

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Уральский государственный юридический университет
имени В.Ф. Яковлева»

Кафедра уголовного права имени М.И. Ковалева

**КАФЕДРА
УГОЛОВНОГО ПРАВА**

Материалы международной научно-практической конференции
(г. Екатеринбург, 12 апреля 2024 года)

Понятийно-категориальный аппарат наук уголовно-правового цикла

УДК 343
ББК 67.408
П-56

Рецензенты:

Незнамова Зинаида Александровна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой уголовного права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева.

Козаченко Иван Яковлевич – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры уголовного права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева.

П-56 Понятийно-категориальный аппарат наук уголовно-правового цикла: материалы международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 12 апреля 2024 года). – Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева, 2024. – 1 CD-RAM. Систем. Требования: 512 МВ RAM; Windows XP/Vista/7/8/8.1/10; 6,5 Мб свобод. пространства на жест.диске. – Загл. с титул.экрана. – Текст: электронный.

ISBN 978-5-7845-0741-9

В сборнике представлены научные труды участников международной научно-практической конференции «Понятийно-категориальный аппарат наук уголовно-правового цикла», которая состоялась 12 апреля 2024 года. Работы авторов посвящены актуальным и дискуссионным вопросам построения понятийно-категориального аппарата наук уголовно-правового цикла.

*Материалы представлены в авторской редакции
с сохранением оригинальной пунктуации и орфографии*

УДК 343
ББК 67.408

ISBN 978-5-7845-0741-9

© УрГЮУ имени В.Ф. Яковлева, 2024
© Авторы, 2024

Оглавление

<i>Степашин В. М.</i> Социальная обусловленность специальных правил назначения наказания	2
<i>Быкова Е. Г.</i> «Склонение, вербовка, иное вовлечение» в преступлениях экстремистской и террористической направленности: соотношение терминов и момент окончания деяний	16
<i>Гордолов А. Н.</i> Об уголовной ответственности за злостные нарушения в местах принудительного содержания	26
<i>Караваева Ю. С.</i> О применимости понятий социального статуса и роли в целях исследования отдельных вопросов уголовного права и криминологии	34
<i>Мелюханова Е. Е.</i> Уголовно-правовые категории	43
<i>Морозов М. В.</i> Оценочные понятия в российском уголовном законе	51
<i>Морозов В. И., Лосев С. Г.</i> К вопросу о понятии крупного ущерба в преступлениях против общественной безопасности	58
<i>Сотин И. О.</i> Биочернила как предмет преступления	66
<i>Ахатова А. М.</i> Понятийно-категориальный аппарат института соучастия в преступлениях, совершаемых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»)	71
<i>Баландин А. Л.</i> Подлоги по уголовному законодательству стран мусульманской правовой семьи	81
<i>Брюханова А. Д.</i> Соотношение понятий: юрист, адвокат, защитник, представитель, близкий родственник и иное лицо	90
<i>Забродина В. В.</i> Соотношение понятий «вовлечение» и «склонение» в преступлениях против семьи и несовершеннолетних	103
<i>Зинин Н. С.</i> Уголовно-правовое понятие средства платежа: проблема бланкетности и единства понятийного аппарата	113
<i>Лузин Т. А.</i> К вопросу о понятии «наказание» в уголовном праве	120
<i>Матвеев И. В.</i> Поиск подхода к определению понятия коррупционного преступления и его признаков	129

Степашин Виталий Михайлович

доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного права и криминологии

ОмГУ им. Ф.М. Достоевского

Омск, Россия

e-mail: stivomsk@rambler.ru

СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПРАВИЛ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ

Аннотация. *Введение.* Непосредственной задачей специальных правил назначения наказания является объективно необходимое снижение либо усиление уголовно-правовой репрессии, предусмотренной законом за совершение соответствующего преступного деяния её качества, количества и/или интенсивности. *Цель.* Выявить обоснованность специальных правил назначения наказания за единичное преступление с позиции реализации принципа экономии репрессии и обеспечения надлежащего изменения репрессии. *Методология.* Изучение специальных правил назначения наказания за единичное преступление опирается на сравнительный, системный и криминологическо-правовой подходы. *Результаты.* Под специальными правилами назначения наказания можно понимать предусмотренные уголовным законом правила назначения наказания, а также отдельных видов наказания, влекущие изменение (смягчение или усиление) уголовно-правовой репрессии, предусмотренной соответствующей санкцией статьи Особенной части УК за совершение соответствующего преступного деяния. Специальные правила развивают или конкретизируют общие начала и применяются наряду с последними. Автором выявлены формы изменения наказания в результате применения специальных правил его назначения. Наказание может быть изменено как в количественном отношении (снижение максимального либо

повышение минимального срока или размера предусмотренного санкцией вида наказания), так и в качественном. Предписания ст. 67 УК РФ нельзя отнести к специальным правилам назначения наказания, поскольку они не устанавливают принципиальных особенностей назначения наказания за преступления, совершаемые в соучастии, по сравнению с Общими началами, не влекут каких-либо изменений в пределах применения санкции статьи Особенной части. Идея формализованных пределов наказания при соучастии обоснованно была отвергнута российским законодателем, поскольку игнорировала значение для определения справедливой меры наказания обстоятельств, характеризующих личность каждого из соучастников. Непродуктивными являются и предложения формализации наказания при любых смягчающих и отягчающих обстоятельствах: их влияние на общественную опасность как преступления, так и личности виновного всегда индивидуально. Кроме того, действующим законодательством уже во многом формализовано значение каждого обстоятельства, смягчающего или отягчающего наказание. Наибольшие сомнения вызывает обоснованность специальных правил назначения наказания за неоконченное преступление, предполагающих существенное смягчение репрессии в случае недоведения виновным преступления до конца по обстоятельствам, от этого лица не зависящим (ст. 66 УК). *Выводы.* В еще большей формализации назначения наказания современное уголовное законодательство не нуждается. Каждое специальное правило назначения наказания должно быть результатом объективной потребности в нём. Предписания ч. 2 и 3 ст. 66 УК необходимо исключить из УК как избыточно смягчающие наказание.

Ключевые слова: специальные правила назначения наказания, экономия репрессии.

Под специальными правилами назначения наказания можно понимать предусмотренные уголовным законом правила назначения наказания, а также отдельных видов наказания, влекущие изменение (смягчение или усиление)

уголовно-правовой репрессии, предусмотренной соответствующей санкцией статьи Особенной части УК за совершение соответствующего преступного деяния. Специальные правила развивают или конкретизируют общие начала и применяются наряду с последними.

Включение в УК анализируемых норм обусловлено, прежде всего, необходимостью обеспечить назначение справедливого и законного наказания, максимально учитывающего все значимые, с точки зрения уголовного закона, факторы. Непосредственной же задачей рассматриваемых правил является *объективно необходимое снижение либо усиление уголовно-правовой репрессии, предусмотренной законом за совершение соответствующего преступного деяния её качества, количества и/или интенсивности.*

Наказание может быть изменено как в количественном отношении (снижение максимального либо повышение минимального срока или размера предусмотренного санкцией вида наказания), так и в качественном.

Смягчение наказания осуществляется в следующих формах: 1) назначение наказания ниже низшего предела, установленного санкцией статьи особенной части УК, 2) сокращение максимального срока (размера) наказания, предусмотренного за преступление, 3) назначение более мягкого вида наказания, чем предусмотрено санкцией, 4) неприменение наиболее строгого наказания, предусмотренного санкцией статьи в силу прямого запрета, установленного уголовным законом, 5) неприменение обязательного дополнительного наказания, предусмотренного санкцией статьи особенной части УК, 6) замена наказания более мягким, чем предусмотрено санкцией статьи особенной части УК за соответствующее преступление, при назначении наказания. Ужесточение наказания осуществляется в трёх формах: 1) увеличение минимального срока/размера наказания, предусмотренного за преступление, 2) неприменение более мягкого наказания, предусмотренного санкцией статьи в силу прямого запрета, установленного уголовным законом, 3) назначение более строгого основного наказания, не указанного в санкции.

Необходимо отметить многообразие и различную юридическую природу специальных правил: одни из них призваны обеспечить применение нового, более мягкого, уголовного закона (ст. 10 УК), другие обеспечивают дифференциацию ответственности (ч. 4 ст. 49, ч. 5 ст. 50 УК и др.), третьи допускают исключительную индивидуализацию наказания (ст. 64 УК).

Изложенное выше позволяет заключить, что нормы ст. 67 УК нельзя отнести к специальным правилам назначения наказания. Установление факта соучастия в преступлении не означает «равной» ответственности каждого из соучастников, они не устанавливают принципиальных особенностей назначения наказания за преступления, совершаемые в соучастии, по сравнению с Общими началами, не влекут каких-либо изменений в пределах применения санкции статьи Особенной части. Было бы неверно утверждать, что (со)исполнители подлежат более строгой ответственности по сравнению, например, с пособниками или организаторами преступления. Каждое преступное деяние, в том числе и совместное, всегда индивидуально. Данные, характеризующие личность соучастников (социально-демографические, уголовно-правовые, психологические), могут иметь различное, а нередко и определяющее правовое значение. Так, недопустимо применять единый масштаб при определении меры наказания к соучастникам, выполнившим идентичные действия при совместном групповом разбое, если один из них совершеннолетний и ранее судим за аналогичное преступление, а другой не достиг восемнадцатилетнего возраста и впервые привлекается к уголовной ответственности.

В этой связи стоит упомянуть, что ч. 2 и 3 ст. 67 Модельного уголовного кодекса государств – участников СНГ¹ предусматривали установление формализованных пределов наказания при соучастии. Размер наказания подстрекателю и организатору преступления не мог быть менее двух третей, а для руководителей организованной группы и преступного сообщества – не

¹ Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ. 1997. № 10.

менее трех четвертей размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части. Однако эта идея обоснованно была отвергнута российским законодателем, поскольку как раз игнорировала значение для определения справедливой меры наказания обстоятельств, характеризующих личность каждого из соучастников.

Вместе с тем, конструирование большинства специальных правил осуществлено бессистемно; законодатель при этом неоднократно изменял решение ключевых вопросов назначения наказания. Пленум Верховного Суда РФ при толковании вопросов применения отдельных специальных правил также проявляет очевидную непоследовательность. Как следствие, применение специальных правил, призванных обеспечить смягчение/ужесточение уголовно-правовой репрессии наказания, не всегда приводит к желаемому результату.

Особенностью обстоятельств, признаваемых исключительными (как одного, так и совокупности), является то, что они всегда, в каждой конкретной ситуации настолько существенно и экстраординарно снижают степень общественной опасности личности виновного или совершенного им деяния, что предусмотренное санкцией закона типичное наказание для типичных же преступлений такого рода не может быть применено в силу чрезмерной суровости, а потому – несправедливости последнего. В словаре русского языка под ред. С.И. Ожегова говорится, что «исключительные» – «представляющие собой исключение, изъятие из общих правил, норм» (Ожегов, Шведова, 2006: 247). Иными словами, «исключительность» обстоятельств выражается именно в их нетипичности для типичного преступления и, следовательно, наказания.

При этом, чем существеннее выявленные обстоятельства понижают общественную опасность содеянного и личности виновного, тем более значимым должно быть понижение репрессии. Необычность, относительная редкость таких обстоятельств исключает возможность большей конкретизации, формализации их содержания, нежели это имеет место в действующем уголовном законе (поэтому мы не можем согласиться с тем, что «было бы

весьма целесообразно и правомерно установить примерный перечень исключительных обстоятельств...» (Азарян, 2004:158), поскольку формализация подобных обстоятельств могла бы лишить их исключительности).

Законодатель поступил более взвешенно, установив в УК 1996 г. правила смягчения наказания при отдельных смягчающих обстоятельствах, предусмотренных п.п. «и» (или) «к» ч. 1 ст. 61 УК.

В науке весьма активно предлагалось применять формализованные пределы и при наличии иных смягчающих обстоятельств (Новосёлов, 1997:393). Выдвигается и явно непродуктивная, на наш взгляд, идея располагать смягчающие и отягчающие обстоятельства в зависимости от их влияния на назначаемое наказание, что может лишь способствовать крайней формализации значения каждого из обстоятельств *безотносительно к их фактическому содержанию*. Так, Т.В. Непомнящая, верно отмечая, что «оценка судом смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств при вынесении приговора не должна выражаться в их арифметическом подсчёте, количественном соотношении», тем не менее, предлагала изменить название ст. 62 УК РФ на «Назначение наказания при наличии смягчающих и отягчающих обстоятельств» и дополнить её частями 5-8, предусматривающими назначение наиболее мягкого вида наказания и снижение максимального предела наказания в виде лишения свободы при наличии только смягчающих наказание обстоятельств; назначение наиболее строгого вида наказания и повышение нижнего порога лишения свободы при наличии только отягчающих наказание обстоятельств; назначение среднего для данной санкции наказания при наличии и смягчающих, и отягчающих обстоятельств (Непомнящая, 2010: 12).

Увлечшись идеей формализации, Т.В. Непомнящая не учла, прежде всего, то, что основанием для смягчения наказания должно служить *безусловное изменение общественной опасности* личности виновного и/или содеянного им в силу смягчающих (а равно исключительных) и отягчающих обстоятельств, а не само по себе формальное установление таких обстоятельств, которые *лишь могли*

бы повлиять (или вовсе не повлиять) на оценку общественной опасности. Во-вторых, такие обстоятельства подлежат оценке *наряду с иными данными, характеризующими преступное деяние, личность виновного, его поведение во время и после совершения преступления.* Установление этих обстоятельств *само по себе* может не послужить для существенного и, тем более, «чрезвычайного» смягчения/ужесточения наказания, если в совокупности с иными значимыми факторами они не позволяют сделать вывод об изменении, в том числе существенном, общественной опасности личности виновного и содеянного им. Так, сам по себе факт наличия у виновного малолетнего ребёнка не может рассматриваться как безусловное основание для признания его в качестве обстоятельства, смягчающего наказание². В-третьих, даже одноимённые обстоятельства могут иметь *различное содержание* и, следовательно, *различной будет степень их влияния* на общественную опасность (несовершеннолетие, беременность, частичное возмещение причинённого вреда, рецидив преступлений и т. д.). В-четвёртых, *нельзя признать равное значение разных обстоятельств, даже относящихся к одной подгруппе* (беременность и совершение преступления впервые). Тем более, тезис о равнозначности любых смягчающих и отягчающих обстоятельств (наличие малолетних детей у виновного и особая жестокость при совершении особо тяжкого преступления) и необходимости при их одновременном наличии назначать «среднее для данной санкции наказание» *вовсе не имеет обоснования* (например, при *полном* устранении причинённых *тяжких* последствий). В-пятых, предлагаемые новации не учитывают *особенностей конструкции санкций*, которые зачастую не позволяют в принципе определить «среднее наказание» (при наличии, например, в санкции 5-6 видов наказания от штрафа до лишения свободы), либо содержат 2-3 вида наказания, существенно отличающиеся по строгости (штраф и лишение свободы).

² Определение № 93-О13-1 / Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за I квартал 2013 года. URL: http://www.supcourt.ru/vscourt_detale.php?id=8933 (дата обращения 01.04.2024).

По тем же причинам нельзя согласиться с идеей формализации наказания в зависимости от преобладания данных, положительно или отрицательно характеризующих личность (Непомнящая, 2010:11-12). Значение таких данных явно преувеличено (как известно, многие серийные преступники, совершавшие серийные посягательства на жизнь, половую свободу и половую неприкосновенность, характеризовались образцово), а возможность их фальсификации, напротив, недооценена.

Важно учитывать и другое. Действующим законодательством *уже* во многом *формализовано значение каждого обстоятельства, смягчающего или отягчающего наказание*. Во-первых, любое отягчающее обстоятельство автоматически блокирует применение некоторых специальных правил назначения наказания, направленных на его смягчение (например, ч. 1-2 ст. 62 УК). Во-вторых, установление любого отягчающего обстоятельства снимает запрет назначения совершеннолетним наказания в виде лишения свободы (ч. 1 ст. 56 УК). В-третьих, любое смягчающее обстоятельство позволяет не применять в полном объёме правила ст. 68 УК. В-четвёртых, наличие любых смягчающих наказание обстоятельств при отсутствии отягчающих наказание обстоятельств является одним из формальных условий изменения категории преступления на менее тяжкую (ч. 6 ст. 15 УК).

Поэтому идея о формализации назначения наказания при любых смягчающих и отягчающих наказание обстоятельствах, в том числе при их предварительном ранжировании, поддержана быть не может.

Впоследствии ст. 62 УК была дополнена новыми специальными положениями о смягчении наказания по уголовно-процессуальным основаниям. То, что положения, часть из которых ранее содержались в уголовно-процессуальном законодательстве, были включены в материальный закон, заслуживает одобрения. Однако включение их именно в качестве новых частей именно этой статьи вызывает серьезные возражения, как минимум, с точки зрения законодательной техники.

Несмотря на отдельные резкие негативные оценки относительно самого досудебного *соглашения о сотрудничестве*, за новым порядком принятия судебного решения признаётся значение правового инструмента эффективной борьбы с наиболее организованными, изощёнными и опасными формами современной преступности. Справедливо замечание Н.Е. Крыловой, что в результате применения упрощённого порядка разбирательства лицо осуждается за то преступление, с обвинением в совершении которого оно согласилось, а не за то, которое оно в действительности совершило (Крылова, 2015: 93). Вопрос о достаточности соответствующих уголовно-процессуальных гарантий уже сейчас является предметом многих исследований, включая междисциплинарные (Строганова, 2022: 3-4). Но и нельзя не признать очевидного факта: необходима согласованность уголовно-правовых и уголовно-процессуальных правил, определяющих существо института досудебного соглашения о сотрудничестве и постановления обвинительного приговора по уголовному делу, дознание по которому производилось в сокращённой форме.

Каждое специальное правило назначения наказания должно быть результатом объективной потребности в нём. Наибольшие сомнения вызывает обоснованность специальных правил назначения наказания за неоконченное преступление, предполагающих существенное смягчение репрессии в случае недоведения виновным преступления до конца по обстоятельствам, от этого лица не зависящим (ст. 66 УК). Следует признать, что изначально они вызвали одобрение у большинства современных исследователей. *Независимо от каких-либо обстоятельств, включая фактически причинённый неоконченным преступлением вред*, смертная казнь и пожизненное лишение свободы за приготовление к преступлению и покушение на него не назначаются. Особую значимость указанное обстоятельство приобретает в связи с тем, что обусловленная исследуемым правилом невозможность назначения указанных видов наказаний тем самым снимает препятствия для применения других специальных правил назначения наказания. При этом положения ст. 66 УК

предусматривают императивное существенное снижение максимальной планки наказания, другие специальные правила применяются уже с учётом этого пониженного предела санкции.

Обстоятельства, в силу которых преступление не было доведено до конца, учитываются при дальнейшей индивидуализации наказания за неоконченное преступление. Но *в любом случае эти обстоятельства не зависят от воли виновного лица*, поэтому далеко не всегда свидетельствуют о сравнительно низкой (меньшей) общественной опасности его самого или совершаемого деяния и, следовательно, могут не являться основанием для дальнейшего снижения наказания.

Дискуссия о наказуемости неоконченного преступления не нова. Против обязательного смягчения наказания за неоконченное преступление выступал и высший судебный орган РСФСР, указывавший в определениях, что «отказ от назначения максимального наказания за покушение является правом, а не обязанностью суда»³.

В настоящее время, по замечанию Т.Г. Черненко, среди учёных и практических работников имеются противники обязательного смягчения наказания за покушение. Она полагает: в ч. 3 ст. 66 УК следует указать, что покушение на преступление наказывается менее строго, чем соответствующее оконченное преступление, положение же о максимально возможном сроке наказания за покушение на преступление из ч. 3 ст. 66 УК следует исключить (Черненко, 2016: 295).

А.П. Козлов тонко показывает *несправедливость* существующего законодательного решения, поскольку при нём «меньшая общественная опасность приготовления и покушения становится как бы заслугой виновного, поскольку она с необходимостью выходит на соответственно меньшее наказание. На самом деле, в уменьшении общественной опасности пресеченного преступления заслуги виновного нет, так как только благодаря окружающим лицам и другим силам преступная деятельность прекратила свое

³ См., например: Бюллетень Верховного Суда РФ. 1995. № 11. С. 12.

существование и, будь на то воля виновного, развилась бы во времени до логического конца» (Козлов, 2002:204).

Эти аргументы представляются достаточными для вывода о неоправданной экономии репрессии при определении наказуемости преступления, прерванного на стадии покушения. Более того, их следует дополнить указанием на то, что и прерванное преступление способно причинить вред, в том числе существенный, особенно при посягательствах на жизнь и здоровье. На то, что по закону не получается разницы между наказанием оконченого и неоконченного убийства, неоднократно обращала внимание Н.А. Лопашенко (Лопашенко, 2016: 506). Кроме того, как отмечалось, поскольку за покушение на преступление не могут быть назначены смертная казнь и пожизненное лишение свободы, дальнейшее (по сути чрезвычайное) смягчение ответственности возможно при применении иных правил назначения наказания (ст. 62, 65 УК) и мер уголовно-правового характера (ст. 73, 82 УК).

Изложенное позволяет поддержать мнение о необходимости исключения из УК РФ ч. 2 и 3 ст. 66. Однако неоконченность преступления объективно снижает его общественную опасность, поэтому при исключении соответствующего правила назначения наказания справедливо дополнить перечень смягчающих обстоятельств (ст. 61 УК) таким, как *«прерванность умышленного преступления на стадии покушения, если совершённое деяние не повлекло тяжкие последствия»*.

В дальнейшей формализации назначения наказания современное уголовное законодательство не нуждается. Каждое специальное правило назначения наказания должно быть результатом объективной потребности в нём. Предписания ч. 2 и 3 ст. 66 УК необходимо исключить из УК как избыточно смягчающие наказание.

Библиографический список

1. Азарян Е. Р. Преступление. Наказание. Правопорядок. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 229 с.

2. *Козлов А. П.* Учение о стадиях преступления. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. 351 с.
3. *Крылова Н. Е.* Гуманизация уголовного законодательства продолжается? Анализ проектов федеральных законов, одобренных пленумом Верховного Суда РФ 31 июля 2015 г. // Закон. 2015. № 8. С. 90-107.
4. *Непомнящая Т. В.* Мера уголовного наказания: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2010. 51 с.
5. *Новоселов Г. П.* Назначение наказания / Уголовное право. Общая часть / под ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамовой. М.: ИНФРА-М: Норма, 1997. 503 с.
6. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. РАН, Инст-т рус. языка им. В.В. Виноградова; изд. 4-е, доп. М.: А Темп, 2006. - 944 с.
7. *Строганова Т. Ю.* Уголовно-правовые аспекты института досудебного соглашения о сотрудничестве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2022. 23 с.
8. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академ. курс: в 10 т. Т. 8, кн. I / под ред. Н.А. Лопашенко. М.: Юрлитинформ, 2016. 536 с. (Автор главы Т.Г.Черненко).
9. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академ. курс: в 10 т. Т. 2. Система, источники и структура уголовного права. Принципы уголовного права / под ред. Н. А. Лопашенко. М.: Юрлитинформ, 2016. 656 с. (Автор главы Н.А. Лопашенко).

Vitaliy M. Stepashin

Doctor of Law, Professor Department of Criminal Law and Criminology

Omsk State University named after F.M. Dostoevsky

Omsk, Russia

e-mail: stivomsk@rambler.ru

SOCIAL CONDITIONALITY OF SPECIAL RULES OF SENTENCING

Abstract: *Introduction.* The immediate task of the special rules for sentencing is the objectively necessary reduction or strengthening of criminal law repression provided for by law for the commission of a corresponding criminal act of its quality, quantity and/or intensity. *Goal.* To identify the validity of special rules for sentencing for a single crime from the perspective of implementing the principle of saving repression and ensuring proper changes in repression. *Methodology.* The study of special rules for sentencing for a single crime is based on comparative, systemic and criminological-legal approaches. *Results.* Special rules for the imposition of punishment can be understood as the rules for the imposition of punishment provided for by criminal law, as well as certain types of punishment, entailing a change (mitigation or strengthening) of criminal law repression provided for by the corresponding sanction of the article of the Special Part of the Criminal Code for the commission of the relevant criminal act. Special rules develop or specify common principles and are applied along with the latter. The author identifies the forms of changing punishment as a result of the application of special rules for its appointment. The punishment can be changed both quantitatively (reducing the maximum or increasing the minimum term or the amount of the type of punishment provided for by the sanction), and qualitatively. The prescriptions of Article 67 of the Criminal Code of the Russian Federation cannot be attributed to special rules for sentencing, since they do not establish the fundamental features of sentencing for crimes committed in complicity, compared with the General Principles, do not entail any changes within the scope of the sanction of the article of the Special Part. The idea of formalized limits of punishment for complicity was reasonably rejected by the Russian legislator, since it ignored the importance of circumstances characterizing the personality of each of the accomplices for determining a fair measure of punishment. Proposals to formalize punishment under any mitigating and aggravating circumstances are also unproductive: their impact on the public danger of both the crime and the identity of the perpetrator is always individual. In addition, the current

legislation has already largely formalized the meaning of each circumstance mitigating or aggravating punishment. The greatest doubts are caused by the validity of special rules for sentencing for an unfinished crime, which imply a significant mitigation of repression in case the perpetrator does not commit the crime to the end due to circumstances beyond the control of this person (Article 66 of the Criminal Code). *Conclusions.* Modern criminal legislation does not need to formalize the imposition of punishment even more. Every special rule of sentencing should be the result of an objective need for it. The prescriptions of parts 2 and 3 of Article 66 of the Criminal Code must be excluded from the Criminal Code as excessively mitigating punishment.

Keywords: a measure of criminal law, saving repression.

Быкова Елена Георгиевна

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права, криминологии и
уголовного процесса Екатеринбургского филиала
Московской академии Следственного комитета

Российской Федерации

имени А.Я. Сухарева

Екатеринбург, Россия

e-mail: nega83-03@mail.ru

**«СКЛОНЕНИЕ, ВЕРБОВКА, ИНОЕ ВОВЛЕЧЕНИЕ» В
ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ
НАПРАВЛЕННОСТИ: СООТНОШЕНИЕ ТЕРМИНОВ И МОМЕНТ
ОКОНЧАНИЯ ДЕЯНИЙ**

Аннотация: Статья посвящена вопросам неоднозначного понимания терминов «склонение», «вербовка», «вовлечение» в уголовном праве и несистемности их использования в уголовном законе. Смоделирована ситуация неудавшегося вовлечения несовершеннолетнего в экстремистское сообщество, показывающая проблему, связанную с различным толкованием высшей судебной инстанцией момента окончания преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 150 УК РФ и ч. 1.1 ст. 282.1 УК РФ. В заключении предложены пути решения обозначенных проблем.

Ключевые слова: склонение, вовлечение, вербовка, ст. 205.1 УК РФ, ст. 282.1 УК РФ, ст. 282.2 УК РФ, уголовный закон

В идеале положения уголовного закона должны быть сформулированы так, чтобы не создавались условия для их неоднозначного понимания. Однако

редакция статей Уголовного кодекса Российской Федерации⁴ (далее – УК РФ) далека от совершенства. В некоторых случаях преодоление коллизий в правоприменительной деятельности осуществляется посредством издания Верховным Судом РФ актов судебного толкования (Незнамова, 2012: 87). При этом допускаются погрешности, которые пагубно сказываются на судебной практике, справедливости и объективности приговоров (Кондрашова, 2000: 16).

Единый подход к определению признаков уголовно наказуемых деяний важен для правильного применения уголовного закона. К сожалению, с момента введения в действие УК РФ и до настоящего времени все происходит несколько иначе. Наглядной демонстрацией этого является несистемное толкование терминов «склонение, вербовка, вовлечение» в Особенной части УК РФ.

Анализ текста уголовного закона (см. Таблицу 1) показывает, что отдельно термин «вовлечение» употребляется в четырех статьях уголовного закона, «вербовка» – в двух, «склонение» – в пяти. Склонение и иное вовлечение в одной части нормы присутствует в одной статье уголовного закона. Сочетание склонения, вербовки, иного вовлечения в одной части нормы встречается в шести статьях уголовного закона, в том числе предусматривающих ответственность за преступления террористической (ч. 1 и 1.1 ст. 205.1 УК РФ) и экстремистской (ч. 1.1 ст. 282.1, ч. 1.1 ст. 282.2 УК РФ) направленности.

Таблица 1

<i>Деяние</i>	<i>Раскрытие признака в уголовном законе</i>	<i>Статья УК РФ</i>	<i>Позиция Пленума Верховного Суда РФ</i>
---------------	--	-------------------------	---

⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 22.04.2024).

вовлечение	путем обещаний, обмана, угроз или иным способом (ч. 1), с применением насилия или с угрозой его применения (ч. 3)	ч. 1 ст. 150 ч. 1 ст. 151	имеется ⁵
вовлечение	отсутствует	ст. 240 ч. 2 ст. 242	отсутствует
вербовка	отсутствует	ч. 1 ст. 127.1	имеется ⁶
вербовка	отсутствует	ч. 1 ст. 359	отсутствует
склонение	путем уговора, подкупа, угрозы или другим способом	ч. 4 ст. 33	отсутствует
склонение	путем уговоров, предложений, подкупа, обмана или иным способом	ч. 1 ст. 110.1	отсутствует
склонение	отсутствует способ не включает принуждение – это альтернативный признак	ч. 1 ст. 184	отсутствует
склонение	отсутствует способы: ненасильственный (ч. 1), насилие (п. «г» ч. 2)	ст. 230	имеется ⁷
склонение	термин раскрыт в примечании к ст. 230.1 способы: ненасильственный (ч. 1), шантаж, насилие (п. «в» ч. 2)	ст. 230.1	отсутствует

⁵ О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 (п. 42) // URL: <http://supcourt.ru/documents/own/8276/> (дата обращения: 22.04.2024).

⁶ О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 № 58 (п. 13, 14) // URL: <https://vsrf.ru/documents/own/28634/> (дата обращения: 22.04.2024).

⁷ О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 (п. 27) // URL: <https://vsrf.ru/documents/own/8251/> (дата обращения: 22.04.2024).

склонение или иное вовлечение	отсутствует	ч. 1 ст. 151.2	отсутствует
склонение, вербовка, иное вовлечение	отсутствует	ч. 1 и 1.1 ст. 205.1 ч. 1.1 ст. 282.1 ч. 1.1 ст. 282.2	имеется ^{8,9}
склонение, вербовка, иное вовлечение	отсутствует	ч. 1.1 ст. 212 ч. 1 ст. 281.1 ч. 2 ст. 361	отсутствует

Применительно к некоторым преступлениям существуют разъяснения высшей судебной инстанции, раскрывающие содержание исследуемых признаков и конкретизирующие момент окончания соответствующих преступных деяний. Однако единого подхода в уголовном законе и постановлениях Пленума Верховного Суда РФ нет.

Этой проблеме уделяется пристальное внимание в литературе (Палий, 2023: 114-122; Файзализода, 2023: 54-59), на страницах которой не прекращается дискуссия. Одни авторы полагают, что обозначенные термины являются синонимами (Сынтин, 2021: 439; Тарбагаев, Москалев, 2017: 354). Другие исследователи придерживаются мнения, что эти понятия неравнозначны

⁸ О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 (п. 15.1) // URL: <https://vsrf.ru/documents/own/8255/> (дата обращения: 22.04.2024).

⁹ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (п. 14) // URL: <https://vsrf.ru/documents/own/8266/> (дата обращения: 22.04.2024).

(Бугера, 2014: 37; Нагаева, 2011: 527). Последняя точка зрения является предпочтительной.

Думается, что изначально по замыслу законодателя термины «склонение, вербовка, вовлечение» были наделены разным смыслом. Но их одновременное употребление в диспозиции одной части статьи уголовного закона, да еще и с дополнением признака «вовлечение» словом «иное» нивелировало это.

Следует согласиться с авторами, понимающими под склонением процесс (Бугера, 2014: 39), заключающийся в формировании у лица решимости совершить преступление или иное действие (употребление наркотика, алкоголя и т.д.).

В литературе отмечается, что вовлечение совмещает в себе процесс и результат (Бугера, 2014: 39). Думается, что его можно рассматривать как «включение» лица, на которое оказывается воздействие, в совершение деяния, желательного вовлекающему.

Как видится, склонение и вовлечение могут совершаться одинаковыми способами, но различаться по целевым установкам оказывающего воздействие лица. Некоторые исследователи считают, что вовлечение возможно путем применения физического или психического насилия (Травников, 2021: 97), хотя законодатель, в частности в ст. 150 УК РФ, не предусмотрел таких ограничений.

Некоторые авторы справедливо предлагают рассматривать вербовку как частный случай склонения (Досюкова, 2023: 167). Вербовка предполагает деятельность, в процессе которой оказывается психическое воздействие на вербуемого для формирования у него нужных посягающему целевых установок. Однако, в отличие от склонения, это более сложный процесс (Гайворонская, Фомина, Аманжолова, 2020:156-158).

Дополнительную путаницу для правоприменителей создают разъяснения п. 15.1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 и п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1, в которых сделан акцент на едином моменте окончания склонения, вербовки, иного

вовлечения в преступление террористической или экстремистской направленности.

Возникающую в этой связи проблему иллюстрирует смоделированная ситуация. Так, являющийся руководителем экстремистского сообщества совершеннолетний, используя мессенджер «Telegram», вступает в беседу с лицом, заведомо не достигшим восемнадцатилетнего возраста, и получает от него некоторую компрометирующую информацию. Затем вовлекающий шантажирует этими сведениями несовершеннолетнего с целью получения от него согласия на участие в экстремистском сообществе. В качестве доказательства серьезности намерения вовлекающий предлагает совершить убийство лица, ведущего асоциальный образ жизни. Однако вовлекаемый несовершеннолетний не согласился.

С учетом позиции Конституционного Суда РФ, выраженной в Постановлении от 25.05.2023 № 26-П¹⁰, а также правоприменительной практики¹¹ попытку вовлечения в экстремистское сообщество лица, не достигшего восемнадцатилетнего возраста, следует оценивать по совокупности двух преступлений, одно из которых посягает на нормальное нравственное, духовное, физическое развитие несовершеннолетнего (ч. 4 ст. 150 УК РФ), другое – на общественную безопасность (ч. 1 ст. 282.1 УК РФ¹²).

Согласно разъяснениям п. 42 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 неудавшееся вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления следует квалифицировать по ч 3 ст. 30 УК РФ и по соответствующей части ст. 150 УК РФ. В то же время вовлечение в

¹⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 25.05.2023 № 26-П по делу М.В. Золотаревой и В.В. Фроловой // URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision683158.pdf> (дата обращения: 22.04.2024).

¹¹ См. апелляционные определения Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 17.05.2018 № 203-АПУ18-6, от 13.01.2020 № 223-АПУ19-4; апелляционное определение Южного окружного военного суда от 20.05.2022 № 22А-231/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

¹² В соответствии с п. 15.1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 вовлечение лица в деятельность экстремистского сообщества, совершенное его организатором (руководителем), охватывается ч. 1 ст. 282.1 УК РФ и не требует дополнительной квалификации по ч. 1.1 ст. 282.1 УК РФ.

экстремистское сообщество в рассматриваемом случае является окончанным преступлением, предусмотренным ч. 1 ст. 282.1 УК РФ.

Получается диссонанс. При наличии идеальной совокупности преступлений вовлечение одновременно является неоконченным и окончанным.

Представляется, что законодатель не случайно использует разные термины в статьях Особенной части УК РФ. Поэтому в целях выстраивания единой системы признаков видится необходимым исключить из диспозиций ч. 1 ст. 151.2, ч. 1 и 1.1 ст. 205.1, ч. 1.1 ст. 282.1, ч. 1.1 ст. 282.2, ч. 1.1 ст. 212, ч. 1 ст. 281.1, ч. 2 ст. 361 УК РФ относящегося к вовлечению слова «иное».

Ввиду того, что признаки «склонение, вербовка, вовлечение» в различных сочетаниях встречаются во многих статьях уголовного закона, идеальным вариантом решения проблемы их соотношения видится раскрытие содержания этих терминов в уголовном законе (как, например, законодатель поступил с понятием хищения).

Позиция высшей судебной инстанции относительно момента окончания вовлечения применительно к ст. 150, 151 УК РФ видится гармоничной. Думается, что аналогичным образом следует толковать момент окончания вовлечения в преступления экстремистской и террористической направленности.

Если исходить из того, что вербовка является разновидностью склонения, то разъяснения относительно момента окончания последнего требуют некоторых уточнений. Так, высшая судебная инстанция в п. 27 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14, применительно к склонению к потреблению наркотических средств (ст. 230 УК РФ) напрямую не указывает на необходимость получения согласия склоняемого лица, ограничившись уточнением, что для признания преступления окончанным не требуется, чтобы лицо фактически потребило запрещенные вещества. Аналогично в преступлениях экстремистской или террористической направленности склонение и вербовка окончены независимо от того, совершено ли в дальнейшем преступление. В то же время по мнению Пленума Верховного

Суда РФ, выраженному в п. 14 Постановления от 24.12.2019 № 58, по смыслу ст. 127.1 УК РФ вербовка человека окончена с момента получения согласия потерпевшего на осуществление деятельности, для которой совершалась его вербовка. В целях формирования единого подхода к моменту окончания склонения и вербовки желательно устранить данное рассогласование.

В ближайшее время изменение текста уголовного закона в части исследуемой проблемы вряд ли произойдет. В этой связи формированию единообразной правоприменительной практики могли бы поспособствовать унифицированные разъяснения высшей судебной инстанции относительно соотношения признаков «склонение, вербовка, вовлечение», а также единообразный подход к моменту окончания соответствующих деяний.

Библиографический список

1. *Бугера Н.Н.* Соотношение понятий «вовлечение» и «склонение» в уголовном праве России // *Юридическая наука и правоохранительная практика.* 2014. № 3(29). С. 35-40.
2. *Гайворонская И.Б., Фомина Т.Ф., Аманжолова Б.А.* Вербовка в экстремистские и террористические организации посредством сети Интернет // *Психология и право.* 2020. Т. 10, № 4. С. 152-165.
3. *Досюкова Т.В.* Подстрекательство: спорные вопросы толкования // *Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона (к 100-летию Верховного Суда Российской Федерации): Сборник материалов X Международной научно-практической конференции, Москва, 10 ноября 2022 года.* Москва: Российский государственный университет правосудия (РГУП), 2023. С. 161-169.
4. *Кондрашова Т.В.* О судебном и законодательном толковании норм уголовного права // *Российский юридический журнал.* 2000. № 2 (26). С. 5-16.
5. *Нагаева Т.И.* Применение терминов «вовлечение» и «склонение» в российском уголовном праве // *Lex Russica (Русский закон).* 2011. Т. 70, № 3. С. 515-539.

6. *Незнамова З.А.* Судебное толкование как способ преодоления коллизий уголовно-правовых норм // Российский юридический журнал. 2012. № 5 (86). С. 86-92.
7. *Палий В.В.* Склонение, вербовка, вовлечение как средства конструирования состава преступления // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18, № 12 (157). С. 114-122.
8. *Сынтин А.В.* К вопросу о целесообразности использования термина «склонение» в статье 230.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Сибирское юридическое обозрение. 2021. Т. 18, № 4. С. 433-444.
9. *Тарбагаев А.Н., Москалев Г.Л.* Проблемы уголовно-правовой регламентации склонения, вербовки или иного вовлечения в осуществление террористической деятельности (часть 1 статьи 205.1 УК РФ) // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11, № 2. С. 350-360.
10. *Травников А.В.* Характеристика категорий «вовлечение» и «организация» в преступлениях экстремистской направленности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 4 (92). С. 95-101.
11. *Файзализода Ф.С.* К вопросу о соотношении понятий «склонение» и «вовлечение» в российском уголовном праве и правоприменительной практике // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2023. № 2 (45). С. 54-59.

Elena G. Bykova
PhD, Associate professor
Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and
Criminal Procedure of the Yekaterinburg Branch of the
Sukharev Moscow academy of the
Investigative Committee of the Russian Federation
Yekaterinburg, Russia
e-mail: nega83-03@mail.ru

"PERSUASION, RECRUITMENT, OTHER INVOLVEMENT" IN CRIMES OF EXTREMIST AND TERRORIST ORIENTATION: THE RATIO OF TERMS AND THE MOMENT OF THE END OF ACTS

Abstract: The article is devoted to the issues of ambiguous understanding of the terms "declension", "recruitment", "involvement" in criminal law and the inconsistency of their use in criminal law. The situation of the failed involvement of a minor in an extremist community is modeled, showing the problem associated with the different interpretation by the highest court of the moment of the end of crimes provided for in Part 4 of Article 150 of the Criminal Code of the Russian Federation and Part 1.1 of Article 282.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. In conclusion, the ways of solving the identified problems are proposed.

Keywords: declination, involvement, recruitment, Article 205.1 of the Criminal Code, Article 282.1 of the Criminal Code, Article 282.2 of the Criminal Code, criminal law

Гордолов Андрей Николаевич

кандидат юридических наук

старший преподаватель института

Академии права и управления ФСИН России

по кафедре уголовно-исполнительного права

и организации воспитательной работы с осужденными,

преподаватель кафедры организации режима и надзора

в уголовно-исполнительной системе

юридического факультета

Академии права и управления ФСИН России,

г. Рязань, Россия

e-mail: andrei.gordopolov@yandex.ru

ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЗЛОСТНЫЕ НАРУШЕНИЯ В МЕСТАХ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ

Аннотация: в статье проводится ретроспективный анализ норм отечественного права в области назначения уголовной ответственности за совершение злостных нарушений режима в местах лишения свободы. В то же время приводятся аргументированные разнополярные мнения ученых, по поводу инициативы криминализации систематических злостных нарушений, по аналогии с ранее действующими нормами. В результате проведенных исследований сформулированы предложения по внесению изменений в действующее уголовное законодательство.

Ключевые слова: злостные нарушения режима; дисциплинарная ответственность; исправительные учреждения; уголовная ответственность осужденных, уголовно-исполнительное право.

Проблема противодействия противоправной деятельности осужденных в местах лишения свободы является актуальной с момента их возникновения. Законодатель постоянно находится в поиске новых правовых норм, которые повысят эффективность применения существующих мер, а также способствуют снижению фактов правонарушений и преступлений в местах принудительного содержания.

17 декабря 2018 г. на совещании с подведомственными территориальными органами в рамках утверждения Концепции развития уголовно-исполнительной системы до 2030 года состоялось обсуждение проблемы противодействия осужденным отрицательной направленности и стабилизации обстановки в исправительных учреждениях (далее по тексту – ИУ). Прозвучало предложение обратиться к опыту 80–90-х годов XX в. по привлечению осужденных к уголовной ответственности за злостное неповиновение законным требованиям и оказание другого противодействия администрации ИУ (Усеев, 2019:117). Думается, что данном случае была попытка достижения цели Концепции по совершенствованию правового регулирования в сфере реализации мер пресечения и исполнения наказания с учетом международных обязательств Российской Федерации и общепризнанных норм международного права.

Ввиду изложенного возникает необходимость в пересмотре подхода к разработке мер, оказывающих превентивное воздействие на снижение уровня как злостных нарушений, так и преступлений в местах лишения свободы. Поэтому считаем необходимым введение уголовной ответственности за злостные нарушения в ИУ. Одно из направлений решения сложившейся ситуации ФСИН России видит в расширении объема криминализации противодействия законным требованиям администрации исправительных учреждений (Головастова, 2023:71).

В УК РСФСР 1960 г. Указом Президиума Верховного совета РСФСР от 13 сентября 1983 г. была введена норма, которая предусматривала уголовную ответственность за злостное неповиновение требованиям администрации

исправительно-трудовых учреждений и иное противодействие осуществлению ею своих функций. Наказание за совершение подобных деяний предусматривало лишение свободы сроком до трех лет, а в отношении особо опасного рецидивиста или лица, осужденного за тяжкое преступление, от одного до пяти лет лишения свободы. Суть данной нормы права была выражена в уголовной ответственности осужденного за систематическое совершение злостных нарушений.

В современной истории значение указанной нормы при всей ее привлекательности нельзя охарактеризовать однозначно. Практиками того времени отмечается, что реализация нормы негативно отражалась на обстановке в учреждении, вследствие чего росло недовольство среди спецконтингента, что приводило к возникновению различных эксцессов, таких как захват заложников или массовые неповиновения (Уткин, 2013: 12). Волна гуманистического отношения к осужденным внесла коррективы в данные нормы, и злостное неповиновение осталось в ст. 86 УИК РФ, где является лишь основанием применения специальных средств, а также в ст. 116 УИК РФ, где употребляется без слова «злостный».

Профессор А. Л. Ременсон предлагал в случае безуспешности применения к злостному нарушителю имеющихся дисциплинарных норм предусмотреть возможность применять уголовную ответственность, так как злостные нарушения режима могут приобретать признак общественной опасности ввиду своей систематичности (Ременсон, 2003: 31). Развивая данную мысль, А. И. Марцев считал возможным привлечение к уголовной ответственности тех осужденных, которые систематически совершали административные правонарушения (Упоров, 2004:54). В попытке найти меры противодействия групповой преступности в пенитенциарных учреждениях С. В. Бондаренко предлагает ввести уголовную ответственность за организацию устойчивой группы (Бондаренко, 2016:15). А. А. Примак указывает на высокий предупредительный потенциал уголовного наказания за систематические злостные нарушения (Примак, 2003:225). А. И. Лукашев и А. С. Михлин

отмечали, что в учреждениях, где активно применялась данная норма права, реже совершались тяжкие преступления (Лукашов, 1990:12-13; Михлин, 1988:112). И. Б. Казак, С. Н. Захарченко, П. А. Павлов предлагают изменить диспозицию ст. 321 УК РФ и вид применяемых мер дисциплинарного воздействия в местах лишения свободы к обвиняемому осужденному (Казак, 2020:128).

Однако приведенные позиции разделяют не все авторы. Так, Р. З. Усеев предполагает, что сегодня в уголовно-исполнительном праве действует пятиступенчатый механизм изменения объема прав и законных интересов осужденного, а также усиления степени его изоляции, чего не было в период действия ст. 188.3 УК РСФСР. Ученый считает, что современные нормы вполне могут обеспечить нормальную деятельность ИУ, и опираться на предшествующий опыт применения уголовной ответственности нет смысла. Просто надо обратить внимание на ликвидацию причин редкого использования такой меры, как перевод злостных нарушителей в ЕПКТ и тюремное содержание, что происходит из-за бюрократической неточности сопровождения процесса их применения на уровне ФСИН России или ее территориальных органов (Гордополов, 2022:357).

По мнению профессора В. А. Уткина, эта норма имеет радикальный характер, ибо в действующем УК РФ уже есть норма (ст. 321), которая и является заменой ст. 188.3 УК РСФСР 1970 г. По его мнению, данная статья вполне могла бы называться «Систематические злостные нарушения установленного порядка отбывания наказания». Однако, несмотря на весомый профилактический потенциал, применение данной нормы в отношении злостных нарушителей носит крайне непопулярный характер. К причинам он относит само нахождение нормы в главе 32 «Преступления против порядка управления» УК РФ, вследствие чего данное деяние является «особо учитываемым» в органах прокуратуры (Уткин, 2019:13). Перечисленные обстоятельства приводят к ситуациям, когда сотрудники пенитенциарных учреждений, чтобы не допустить ухудшения статистической отчетности и

снижения рейтинговых показателей в учреждениях, избегают реализации данной нормы в полном объеме.

В ходе опроса сотрудников ФСИН России 82,8 % респондентов отметили целесообразность введения уголовной ответственности в отношении злостных нарушителей при безуспешности ранее наложенных мер дисциплинарной ответственности. Данные показатели весьма предсказуемы, так как ввиду общего ухудшения оперативной обстановки в учреждениях рассматриваемая норма является наиболее привлекательной. В то же время стоит высказать опасения, что ее принятие приведет к проявлению волонтаризма сотрудников в отношении неугодных осужденных. Речь идет о ситуациях, когда сотрудники могут искусственно создавать условия для привлечения нарушителей к уголовной ответственности. В связи с этим видится необходимым допустить к участию общественно-наблюдательные комиссии для объективности и контроля за процессами привлечения осужденных к уголовной ответственности.

Учитывая неоднозначность позиции возвращения уголовной ответственности в отношении систематических нарушителей, думается, что для пресечения радикального настроя криминального мира необходимо использовать решительные меры. Одно лишь существование статьи в действующем УК РФ создаст превентивное настроение и поднимет эффективность воздействия применяемых мер взыскания на осужденных. В то же время необходимо акцентировать контроль в области процесса применения данной нормы в соответствии с принципами уголовного и уголовно-исполнительного права для недопущения произвола и несправедливости в отношении осужденных.

Библиографический список

1. *Бондаренко С. В.* Криминологическая характеристика групповой преступности в пенитенциарных учреждениях и меры противодействия ей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Бондаренко Сергей Вячеславович. – М., 2016. – 35 с.

2. *Головастова Ю. А.* Перспективы развития института дисциплинарной ответственности осужденных к лишению свободы: быть или не быть - вот в чем вопрос / Ю. А. Головастова, А. Н. Гордополов // Уголовная юстиция. – 2023. – № 22. – С. 64-71. – DOI 10.17223/23088451/21/11. – EDN PSPKXH.

3. *Гордополов А. Н.* Основные тенденции развития уголовно-исполнительного законодательства, регулирующего ответственность злостных нарушителей режима отбывания наказания в виде лишения свободы / А. Н. Гордополов // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 1(164). – С. 356-357. – EDN GQVIVU.

4. *Казак И. Б.* Совершенствование уголовно-правовых мер предупреждения противоправной деятельности злостных нарушителей установленного порядка отбывания наказания в исправительных учреждениях / И. Б. Казак, С. Н. Захарченко, П. А. Павлов // Право и государство: теория и практика. – 2020. – № 6 (186). – С. 126–128.

5. *Лукашов А. И.* Уголовная ответственность за злостное неповиновение требованиям администрации исправительно-трудовых учреждений / А. И. Лукашов. – Минск: Высшая школа МВД СССР, 1990. – 66 с.

6. *Михлин А. С.* Уголовно-правовые меры воздействия на осужденных за ненадлежащее отбывание наказания / А. С. Михлин // Актуальные проблемы совершенствования уголовного законодательства. Вопросы борьбы с нетрудовыми доходами, пьянством, наркоманией и другими антиобщественными деяниями: межвуз. сборник. – Хабаровск: Изд-во Хабаровской высшей школы МВД СССР, 1988. – С. 104–113.

7. *Примак А. А.* Уголовная ответственность за преступления, посягающие на установленный порядок исполнения наказания в виде лишения свободы: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Примак Александр Александрович. – Омск, 2003. – 244 с.

8. *Ременсон А. Л.* Избранные труды: (К 80-летию со дня рождения) / А. Л. Ременсон; М-во образования Рос. Федерации. Том. гос. ун-т; редкол.: В. А. Уткин [и др.]. – Томск: Изд-во Томского университета, 2003. – 98 с.

9. *Упоров И. В.* Пенитенциарная политика России в XVIII–XX вв. Историко-правовой анализ тенденций развития / И. В. Упоров. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. – 610 с.

10. *Усеев Р. З.* Злостное неповиновение требованиям администрации исправительного учреждения: проблемы интерпретации, ответственности и безопасности в местах лишения свободы / Р. З. Усеев // Уголовная юстиция. – 2019. – № 13. – С. 117-121.

11. *Уткин В. А.* Об уголовно-правовых средствах обеспечения правопорядка в исправительных учреждениях / В. А. Уткин // Вестник Кузбасского института. – 2013. – № 1 (14). – С. 7-13.

Andrey N. Gordopolov

Candidate of Law, Senior Lecturer at the Institute

Academy of Law and Management

of the Federal Penitentiary Service of Russia

at the Department of Penal Enforcement Law

and Organization of educational work with Convicts

lecturer at the Department of Organization of Regime and Supervision

in the Penal Enforcement System

of the Faculty of Law Academy of Law and Management

of the Federal Penitentiary Service of Russia,

Ryazan, Russia

e-mail: andrei.gordopolov@yandex.ru

ON CRIMINAL LIABILITY FOR MALICIOUS VIOLATIONS IN PLACES OF FORCED DETENTION

Abstract: the article provides a retrospective analysis of the norms of domestic law in the field of assigning criminal liability for the commission of malicious violations of the regime in places of deprivation of liberty. At the same time, reasoned multipolar opinions of scientists are presented regarding the initiative to criminalize systematic malicious violations, by analogy with previously existing norms. As a result of the conducted research, proposals have been formulated to amend the current criminal legislation.

Keywords: malicious violations of the regime; disciplinary responsibility; correctional institutions; criminal liability of convicts, penal enforcement law.

Караваяева Юлия Станиславовна

кандидат юридических наук, доцент,

доцент кафедры гражданского и предпринимательского права

НИУ ВШЭ-Пермь

Пермь, Россия

e-mail: IUSKaravaeva@hse.ru

О ПРИМЕНИМОСТИ ПОНЯТИЙ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА И РОЛИ В ЦЕЛЯХ ИССЛЕДОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ВОПРОСОВ УГОЛОВНОГО ПРАВА И КРИМИНОЛОГИИ

Аннотация: в связи с приданием законодателем уголовно-правового значения отдельным статусно-ролевым характеристикам субъекта преступления и потерпевшего представляется возможным привлечение понятийно-категориального аппарата теории социальных статусов и ролей, разработанной в социологии и социальной психологии, в целях исследования вопросов криминализации, дифференциации и индивидуализации ответственности. Также открываются перспективы и для криминологического исследования преступного поведения лиц с уголовно значимым статусом или в отношении таких лиц, его детерминант, механизма, возможностей социального контроля и предупреждения.

Ключевые слова: междисциплинарность, социальный статус и роль, преступное поведение, детерминанты преступности, предупреждение преступности.

Будучи относимыми к наукам социального порядка, уголовно-правовая и криминологическая научные дисциплины в своем бытии от иных общественных наук не изолированы: «наука уголовного права успешно использует достижения других отраслей знания - криминологии, психиатрии,

психологии, социологии, логики и т.д.» (Козаченко, Козаченко, 2014: 163-168). Такое положение само по себе является свидетельством достаточно широкого применения возможностей междисциплинарного подхода в исследовании тех или иных уголовно и криминологически значимых социальных явлений и процессов. Сложная природа последних обуславливает тот факт, что они способны выступать объектом познания одновременно нескольких различных общественных наук, предлагающих собственный методологический инструментарий и понятийно-категориальный аппарат. К примеру, центральные категории уголовного права – преступление и наказание – привлекают внимание не только криминалистов, но и социологов, психологов, экономистов, философов и т.д. Важно, что достоинства такого исследования были оценены еще представителями дореволюционной науки – в частности, профессор М. П. Чубинский приводит следующую мысль: «...все богатство его (уголовного права – Ю.К.) содержания только тогда ясно будет сознано, когда для углубления и укрепления его научных приобретений и итогов будут позаимствованы новые точки зрения из пограничных с ним областей знания» (Чубинский, 1905: 5). Отметим, что на необходимость междисциплинарного взаимодействия указывается представителями современной науки (Егорова, 2012: 9-14; Иванов, 2022: 129-133).

Действительно, в свете усложнения форм социальных взаимодействий консервативность уголовного права (Хилюта, 2017: 88-96) преодолевается объективным усилением и расширением межотраслевых связей, а догматизм уголовно-правовой науки – привлечением междисциплинарного подхода с его гносеологическим потенциалом, необходимым для познания имеющих объективный характер явлений и процессов.

Возможность образования междисциплинарных связей опосредована и сложной природой объекта исследования, и возможностью использования понятийно-категориального аппарата, сформированного в рамках одного научного направления, в целях дальнейшего познания объекта в рамках другого. Так, профессор В. А. Номоконов отмечает, что «... методологическое значение

понятий» заключается в том, что «с их помощью осваивается действительность, добывается новое знание» (Номоконов, 1991: 9). Если мы говорим о науках уголовного права и криминологии, то представляется, что расширение их понятийного аппарата за счет привлечения терминологии иных социальных наук вполне способно открыть новые перспективные ракурсы для исследования релевантных их предмету вопросов.

С учетом изложенного полагаем, что обращение, в частности, к теории социальных статусов и ролей, сформулированной социологами, а в дальнейшем подхваченной представителями социальной психологии, представляет определенные перспективы для уголовно-правового и криминологического исследования преступления и преступного поведения, субъекта преступления и личности преступника, исследования возможностей социального контроля и предупреждения.

В основе предположения о гносеологическом потенциале статусно-ролевой теории лежит, во-первых, тот факт, что более половины статей Особенной части действующего уголовного закона содержит описание статусно-ролевого положения субъекта преступления или потерпевшего, выступающего либо конструктивным признаком состава, либо дифференцирующим ответственность. Указанные характеристики, значимые для квалификации и привлечения к ответственности, определения ее меры в рамках дифференциации и индивидуализации в уголовном праве, в криминологии оказываются связанными практически с каждой из составляющих предмет этой науки.

Во-вторых, обозначенное выше предположение основывается также на следующей мысли профессора В. А. Номоконова: «как показывают специальные исследования, содержание и направленность поведения человека определяется, прежде всего, местом его в системе общественных отношений» (Номоконов, 1991: 15). Н. Д. Мирошниченко, занимаясь исследованием преступлений, совершаемых в связи с профессиональным положением, отмечает, что «профессия во многом формирует образ мысли и жизни человека,

стратегию и тактику его социального поведения. Профессиональная принадлежность и качество выполнения профессиональных функций стали существенным элементом социальной характеристики личности» (Мирошниченко, 2016: 150).

Таким образом, представляется возможным рассмотреть преступное поведение лиц, обладающих уголовно значимыми статусно-ролевыми характеристиками и / или в отношении лиц с подобного рода признаками с точки зрения механизмов социальных взаимодействий и отражения в них личностного начала, что само по себе предопределяет привлечение понятийно-категориального аппарата теории социальных статусов и ролей.

Данная теория возникла в рамках социологической науки в 30-е годы прошлого века. Среди ученых, занимавшихся разработкой ее отдельных положений, можно назвать представителей школ структурного функционализма и символического интеракционизма - М. Вебера, Р. Линтона, Р. Мертона, Дж. Мида, Т. Парсонса, Т. Шибутани. В отечественной науке над этой теорией работали такие ученые, как И.С. Кон, В.Г. Немировский, Д.Д. Невирко, В.А. Ядов. Исходя из сложившихся подходов к понятиям социального статуса и роли личности, можно говорить об использовании их в целях объяснения сложившихся механизмов социального взаимодействия, изучения личности в контексте этого взаимодействия. В силу социальной природы преступности неудивителен тот факт, что отдельные криминологические теории обращаются к понятиям статуса и роли – в качестве примеров можно назвать теорию «беловоротничковой преступности» Э. Сатерленда, теории социального научения Р. Айкерса, фрустрации статуса А. Коэна, дифференциальных возможностей Р. Клоурда и Л. Олина, производства делинквентности М. Колвина и Дж. Паули, группового конфликта Дж. Волда, контекстуальную теорию Т. Мифа и Р. Мейера (Комлев, 2014: 114-202).

Если же говорить о целях уголовно-правового и криминологического интегративного исследования, то ключевое значение приобретают такие понятия, разработанные в рамках данной теории, как «социальный статус»,

«социальная роль», а также объясняющие их место в рамках социальных взаимодействий понятия ролевых требований, экспектаций, интернализации и некоторые другие.

По нашему мнению, использование понятийно-категориального аппарата теории социальных статусов и ролей в целях уголовно-правового исследования позволяет отойти от формально-догматической перспективы, скрывающей за собой фигуры субъекта преступления и потерпевшего как участников взаимодействия, особенности которого позволяют объяснить осуществляемую законодателем дифференциацию ответственности и криминализацию (декриминализацию) деяний для существенной их части. В свою очередь, в целях криминологического исследования статусно-ролевого положения личности, по нашему мнению, использование выводов статусно-ролевой теории открывает новые возможности для изучения личности преступника, детерминации преступлений и механизма преступного поведения, предупреждения и прогнозирования отдельных видов преступности.

Так, использование данной теории для целей изучения механизма преступного поведения позволяет представить последнее как совершение субъектом, занимающим определенный уголовно-значимый социальный статус, таких действий (бездействия), которые не соответствуют ролевым требованиям – как формализованным, так и неформализованным, и экспектациям – ролевым ожиданиям. Здесь уместно привести мысль Т. Шибутани о том, что «признание обществом статуса индивида настолько устойчиво, что даже в ситуации, не связанной с выполнением статусных обязанностей, окружающие продолжают относиться к нему так, как заслуживают представители данного статуса. Характерно, что исследователь, прежде всего, имеет в виду профессиональный статус» (Караваева, 2017: 16). Отметим, что, несмотря на наличие у каждого индивида «набора статусов» (Мертон, 2006: 539-540), «... в большинстве случаев основой главного или интегрального статуса, который определяет положение человека в обществе, в группе, является профессионально-должностной статус» (Санникова, 2006: 92).

Перспективным представляется изучение подструктур личности преступника и жертвы в свете взаимовлияния социально-демографической подструктуры в части уголовно значимого статусно-ролевого положения и ценностно-нормативной подструктуры. Помимо указанного, интернализация как механизм усвоения социальной роли, предполагающий отражение личностных особенностей индивида на его социально-значимой деятельности, разработанный в рамках социальной психологии, позволяет объяснить тот факт, что «... общественные отношения, хотя и являются по своей сущности ролевыми, безличными отношениями, в действительности, в своем конкретном проявлении приобретают определенную «личностную окраску» (Андреева, 2001: 55).

Результатом интернализации индивидом своего социального статуса и роли выступает воплощение в предписываемом и ожидаемом ролевом поведении личностной системы ценностей. При этом формализация ролевых правил поведения и требований, предъявляемых к носителю конкретного социального статуса, этому не препятствует, что и объясняется процессом интернализации. Важно учитывать также наличие и неформализованных ролевых правил, требований и возможностей, сопутствующих отдельным социальным статусам и, как правило, тесно связанных с личностью их носителя. Примерами подобных неформализованных возможностей являются профессиональная солидарность, неформальные связи, способность воздействовать на правоприменительный процесс и его участников, возможность виктимогенного влияния на третьих лиц и т.д.

Представляется, что обозначенные особенности имеют определенное значение для предупредительной и прогностической деятельности применительно к соответствующим видам преступности.

Учитывая тесную связь уголовного права и криминологии, можно утверждать, что формализованные в Кодексе статусно-ролевые признаки личности, будучи признаками состава преступления, в криминологической проекции выступают такими ее характеристиками, которые находятся во

взаимосвязи с детерминантами преступного поведения, его механизмом и позволяют установить особенности социального контроля и предупреждения криминальных деяний. По большому счету, речь идет о социальном обосновании криминализации деяний, совершаемых специальными субъектами и / или в отношении специальных потерпевших, а также дифференциации ответственности за их совершение.

При этом подчеркнем, что, по нашему мнению, целесообразность в придании рассматриваемым понятиям значения легальных дефиниций путем введения в уголовный закон, отсутствует. На сегодняшний день Уголовный кодекс РФ не содержит дефинитивной нормы о специальном субъекте преступления, ограничиваясь единственным о нем упоминанием в ч. 4 ст. 34, что, однако, не создает препятствий для оперирования термином на практике и исследования соответствующего института в доктрине.

Таким образом, полагаем, что использование понятийно-категориального аппарата теории социальных статусов и ролей личности в целях уголовно-правового и криминологического исследования вполне перспективно с точки зрения реализации междисциплинарного подхода к познанию отдельных вопросов соответствующих наук.

Библиографический список

1. *Андреева Г. М.* Социальная психология: учебник для высших учебных заведений. М.: Аспект Пресс, 2001. 229 с.
2. *Егорова Н. А.* Современные проблемы развития науки уголовного права // Вопросы правовой теории и практики: сб. науч. тр. / отв. ред. В.В. Векленко. Омск: Омская академия МВД России, 2012. Вып. 7. С. 9-14.
3. *Иванов П. И.* Оперативно-розыскная наука о межотраслевых связях уголовного права и оперативно-розыскной деятельности // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 2. С. 129–133.
4. *Караваева Ю. С.* Специальный субъект преступления: криминологическо-правовой подход: дисс. ... канд. юрид. наук. Омск, 2017. 198 с.

5. *Козаченко Е. Б., Козаченко И. Я.* Уголовное право: многообразие единства // Проблемы права. 2014. № 4 (7). С. 163-168.
6. *Комлев Ю. Ю.* Теории девиантного поведения: уч. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Изд. дом АЛЕФ-ПРЕСС, 2014. 222 с.
7. *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура. М., 2006. 873 с.
8. *Мирошниченко Н. Д.* Преступления, связанные с нарушением профессиональных функций: проблемы уголовно-правовой теории и практики: дисс. ... докт. юрид. наук. М, 2016. 480 с.
9. *Номоконов В. А.* Преступное поведение: механизм детерминации, причины, ответственность: автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 1991. 36 с.
10. *Санникова О. О.* Трансформация социальных статусов и ролей в обществе постмодерна: дис. ... канд. социол. наук. М., 2006. 173 с.
11. *Хилюта В. В.* Перспективы развития методологии уголовного права в эпоху постмодерна // Журнал российского права. 2017. № 5. С. 88-96.
12. *Чубинский М. П.* Очерки уголовной политики. Харьков: «Печатное дело», 1905. 538 с.

Karavaeva S. Yulia

Candidate of Law

Associate Professor of the Department of Civil and Business Law

HSE-Perm

Perm, Russia

e-mail: IUSKaravaeva@hse.ru

**ON THE APPLICABILITY OF THE CONCEPTS OF SOCIAL STATUS
AND ROLE IN ORDER TO STUDY CERTAIN ISSUES OF CRIMINAL LAW
AND CRIMINOLOGY**

Abstract: in connection with the legislator's giving criminal legal significance to certain status and role characteristics of the subject of crime and the victim, it seems possible to involve the conceptual and categorical apparatus of the theory of social statuses and roles developed in sociology and social psychology in order to study the issues of criminalization, differentiation and individualization of responsibility. Prospects are also opening up for criminological research of criminal behavior of persons with a criminally significant status or in relation to such persons, its determinants, mechanism, possibilities of social control and prevention.

Keywords: interdisciplinarity, social status and role, criminal behavior, determinants of crime, crime prevention.

Мелюханова Евгения Евгеньевна

кандидат юридических наук, доцент,

доцент кафедры уголовного права имени М.И. Ковалева

УрГЮУ имени В.Ф. Яковлева

Екатеринбург, Россия

e-mail: melyukhanova@list.ru

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ КАТЕГОРИИ

Аннотация: В статье рассматриваются уголовно-правовые категории преступление и наказание. Вторичная категоризация преступления представлена категориями преступлений (небольшой тяжести, средней тяжести, тяжкие, особо тяжкие). При этом вторичная категоризация наказаний отсутствует в уголовном законе. Категоризация наказаний должна быть связана с категоризацией преступлений. Очевидно, что преступление первично по отношению к наказанию. Поэтому и категоризация преступлений должна определять категоризацию наказаний: от категории преступления должна зависеть категория наказания. В заключении автор приходит к выводу о том, что следует отказаться от формулирования санкций в статьях Особенной части УК РФ, выработать категоризацию наказаний и установить соответствие «категория преступления – категория наказания». На основании указанного соответствия предусмотреть правила назначения наказания в зависимости от категории преступления.

Ключевые слова: уголовное право, уголовно-правовые категории, преступление, категории преступлений, наказание, категории наказаний

Предмет науки определяет специфику понятийно-категориального аппарата. Поскольку предметом науки уголовного права является преступность

и наказуемость деяний, основу понятийного аппарата уголовного права образуют категории преступление и наказание.

Указанные уголовно-правовые категории подчиняются строгим правилам категоризации. Так, преступлением признается только такое деяние, которое установлено уголовным законом, перечень видов наказаний также предусмотрен уголовным законом и является исчерпывающим (ст.44 УК РФ).

При этом, используемые науками понятийные конструкции неравнозначны, отличаются уровнем обобщения и рядом иных качественных параметров. Следовательно, можно с уверенностью утверждать, что далеко не все понятия могут признаваться категориями, а лишь те из них, которые достигли в своем развитии определенного качественного состояния и способны выступать опорными, узловыми пунктами в процессе дальнейшего познания окружающей нас реальности (Баринов, 2019:25).

Одним из подходов к уголовно-правовой категоризации является рассмотрение категорий через их соотношение с уголовно-правовыми институтами. В частности, Т.Г. Понятовская и А.В. Кайшев отмечают, что «уголовно-правовые категории – понятия, в которых отражаются существенные политико-правовые свойства репрессивной власти, ее цели и функции. Таковыми категориями являются понятия преступление, наказание и ответственность» (Понятовская, Кайшев, 2022:148). По мнению авторов, «институты уголовного права, представляя собой критерии оценки правового значения различных фактических обстоятельств, служат реализации положений, нашедших отражение в основных уголовно-правовых категориях. Указанное значение уголовно-правовых институтов универсально настолько же, насколько универсально значение категорий» (Понятовская, Кайшев, 2022:150). В зависимости от принадлежности к той или иной категории авторы классифицируют институты: преступление – а) вина; б) стадии совершения преступления; в) множественность преступлений; наказание – а) система наказаний (ст. 44, 45, 88 УК РФ); б) освобождение от наказания; в) назначение наказания; ответственность – а) обстоятельства, исключаяющие преступность

деяния; б) состав преступления; в) освобождение от уголовной ответственности; г) соучастие.

Действительно, уголовно-правовые институты напрямую связаны с основными категориями уголовного права. Именно через институты раскрывается их содержание и обеспечивается возможность реализации заложенных в уголовно-правовых категориях идей. Однако, достаточно спорным, по нашему мнению, является выделение категории «ответственность» наряду с преступлением и наказанием, которые относятся к первичным базовым уголовно-правовым категориям. Категория «уголовная ответственность» производна от первичной правовой категории «юридическая ответственность», она является вторичной уголовно-правовой категорией.

Система уголовно-правовых категорий должна строиться по определенным принципам, иметь исходное начало. Формирование системы уголовно-правовых категорий происходит на основе исходных понятий, которые являются наиболее элементарными, а также наиболее общими для системы уголовного права. Такими понятиями являются «преступление» и «наказание», на основе которых развиваются другие, более сложные уголовно-правовые категории такие как, общественная опасность, вина, рецидив и другие.

В процессе исследования уголовно-правовых категорий необходимо учитывать уровень категоризации. Например, категории, состоящие из нескольких слов, включающие в себя «уголовный», «уголовная», «уголовное», «уголовные», являются вторичными, то есть производными от других, более общих категорий. В частности, такие категории, как уголовное право, уголовный закон, уголовная ответственность и т.д. Как правило, указанные категории производны от общеправовых категорий: право, закон, ответственность и т.д. Производные, или вторичные, категории также относятся к уголовно-правовым категориям, если они обладают всеми необходимыми признаками.

При этом, «слово уголовный как бы сплывило в общественном правосознании преступление с наказанием, и никто, употребляя это слово, не

отделяет без специальной надобности одно понятие от другого» (Савицкий, 1987:120). Именно поэтому первичными базовыми уголовно-правовыми категориями являются «преступление» и «наказание», а слово уголовный в словосочетании с другими словами определяет их специфическое содержание.

Кроме того, категориальный аппарат уголовного права включает в себя уголовно-правовые категории нескольких уровней. Наиболее общие категории соотносятся с категориями следующего уровня, которые представляют собой меньший уровень обобщения. Вторичная категоризация преступления представлена категориями преступлений (небольшой тяжести, средней тяжести, тяжкие, особо тяжкие). При этом вторичная категоризация наказаний отсутствует в уголовном законе.

В науке уголовного права, по аналогии с категоризацией преступлений, предпринимаются попытки вторичной категоризации наказаний. В частности, К.А. Сыч предлагает выделять следующие категории наказаний: особо строгие виды наказания (пожизненное лишение свободы, помещение в исправительную колонию особого режима либо в тюрьму, смертная казнь), строгие виды наказания (связанные с лишением свободы), средней строгости виды наказания (наказания, связанные с ограничением свободы) и менее строгие виды наказания (наказания имущественного характера) (Сыч, 2001:226-247).

Обращают на себя внимание некоторые недостатки указанной вторичной категоризации наказаний. Во-первых, помещение в исправительную колонию особого режима либо в тюрьму не является самостоятельным видом наказания. Во-вторых, наказания, связанные с трудовым воздействием, такие как обязательные, исправительные и принудительные работы не включены во вторичную категоризацию. Также наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, лишения специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград затруднительно отнести к определенной категории наказаний.

Представляется, что категоризация наказаний должна быть связана с категоризацией преступлений. Очевидно, что преступление первично по отношению к наказанию. Поэтому и категоризация преступлений должна определять категоризацию наказаний: от категории преступления должна зависеть категория наказания. Однако, в настоящее время в уголовном законе предусмотрена фактически обратная зависимость: категория преступления определяется наказанием (ст.15 УК РФ).

Более того, анализ уголовно-правовых санкций статей Особенной части УК РФ показывает отсутствие прямой зависимости наказания от категории преступления. Так, на примере четырех преступлений (от категории небольшой тяжести до особо тяжкого) можно продемонстрировать наличие в санкциях одновременно как наименее строгого, так и наиболее строгого наказания, вне зависимости от категории преступления.

Так, за совершение преступления небольшой тяжести, например ч.1 ст.158 УК РФ, предусмотрены следующие виды наказаний: штраф, обязательные работы, исправительные работы, ограничение свободы, принудительные работы, арест и лишение свободы.

Санкция преступления средней тяжести, например ч.2 ст.159 УК РФ, содержит наказания в виде штрафа, обязательных работ, исправительных работ, принудительных работ и лишения свободы, назначаемых в качестве основного наказания.

Тяжкое преступление, например ч.2 ст.286 УК РФ, содержит в санкции наказания в виде штрафа, принудительных работ и лишения свободы, назначаемых в качестве основного наказания.

За совершение особо тяжкого преступления, например ч.5 ст.291 УК РФ, предусмотрены наказания в виде штрафа и лишения свободы, назначаемые в качестве основного наказания.

Из указанных примеров видно, что за совершение преступления любой категории тяжести предусмотрено как наименее строгое (штраф), так и наиболее строгое (лишение свободы) наказание. Кроме того, чем более тяжким

является преступление, тем меньшее количество видов основных наказаний предусмотрено за его совершение. При этом, в санкции статьи увеличивается количество дополнительных наказаний. Однако, дополнительные наказания выполняют второстепенную роль и не могут подменять основные наказания. Карательный потенциал назначенного наказания определяется, в первую очередь, основным наказанием. Дополнительное наказание способно лишь усилить карательный потенциал основного наказания за счет дополнительных карательных элементов. Поэтому именно основное наказание должно зависеть от категории тяжести совершенного преступления.

Поскольку в действующем уголовном законе не наблюдается прямой зависимости наказания от категории преступления, возникают вопросы о том, какую функцию выполняет категоризация преступлений, в чем заключается значение категоризации преступлений, какую функцию выполняют санкции статей Особенной части УК РФ, в чем заключается значение санкций статей Особенной части УК РФ.

По нашему мнению, для решения обозначенной проблемы следует отказаться от формулирования санкций в статьях Особенной части УК РФ, выработать категоризацию наказаний и установить соответствие «категория преступления – категория наказания». На основании указанного соответствия предусмотреть правила назначения наказания в зависимости от категории преступления. Тем самым вторичная категоризация уголовно-правовых категорий преступления и наказание будет приведена в соответствие.

Библиографический список

1. *Бойко А. И.* Проблема ценностей в уголовном праве // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 1. С. 117-129.
2. *Баринов П. С.* Обесценивание правовых категорий: дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2019. 189 с.
3. *Понятовская Т. Г., Кайшев А. В.* Уголовно-правовые категории и институты: соотношение понятий и функции // Вестник Кемеровского

государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2022. Т. 6. № 2. С. 148-153.

4. Сыч К. А. Уголовное наказание и его состав: Теоретико-методологические аспекты исследования: дисс. ... докт. юрид. наук. Рязань. 2001. 408 с.

5. Язык процессуального закона. Вопросы терминологии / Савицкий В.М.; Под ред.: Сухарев А.Я. М.: Наука, 1987. 288 с.

Evgeniya E. Melyukhanova

Candidate of Law Sciences,

Assistant professor

Criminal Law Department,

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev,

Yekaterinburg, Russia

e-mail: melyukhanova@list.ru

CRIMINAL LAW CATEGORIES

Abstract: The article examines the criminal law categories of crime and punishment. The secondary categorization of the crime is represented by categories of crimes (minor, moderate, serious, especially serious). At the same time, there is no secondary categorization of punishments in the criminal law. The categorization of punishments should be linked to the categorization of crimes. It is obvious that crime is primary in relation to punishment. Therefore, the categorization of crimes should determine the categorization of punishments: the category of punishment should depend on the category of crime. In conclusion, the author concludes that it is necessary to abandon the formulation of sanctions in the articles of the Special part of the Criminal Code of the Russian Federation, to develop a categorization of punishments and establish the correspondence «category of crime – category of

punishment». On the basis of this compliance, provide rules for the imposition of punishment depending on the category of crime.

Keywords: criminal law, criminal law categories, crime, categories of crimes, punishment, categories of punishments

Морозов Максим Валерьевич

адвокат адвокатского кабинета

Адвокатской палаты Новосибирской области

доцент кафедры уголовного права и национальной безопасности НГУЭУ

кандидат юридических наук

Новосибирск, Россия

e –mail: m_morozov_84@mail.ru

ОЦЕНОЧНЫЕ ПОНЯТИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНЕ

Аннотация: В данной статье рассматривается вопрос существования в российском уголовном законе оценочных понятий. Указаны проблемы и условия их существования. Предложен вариант оптимальных условий их существования в российском уголовном законе. Обосновывается необходимость их существования. Обращается внимание на значимую роль Постановлений Пленума Верховного Суда РФ в подходе к пониманию оценочных понятий.

Ключевые слова: оценочные понятия, уголовный закон, толкование, Постановления Пленума Верховного Суда РФ, принцип законности

В действующем российском уголовном законе с момента его принятия содержится значительное количество оценочных понятий, категорий, что дает возможность правоприменителю более гибко и индивидуально подходить к каждому конкретному случаю, требующему уголовно – правовой квалификации субъекта.

В настоящее время в уголовном законе встречаются такие оценочные понятия, как «другие лица» (ст. 131 УК РФ, примечание 1 к ст. 158 УК РФ),

«иная политическая деятельность» (ст. 277 УК РФ), «иной способ» (ст. 150 УК РФ), «действия сексуального характера» (ст. 132 УК РФ) и т. д.

Так, в понятии хищения, установленном в примечании 1 к ст. 158 УК РФ, четкий круг лиц, в пользу которых происходит обращение чужого имущества, не определен – к таким лицам могут относиться как сам виновный, так и «другие лица».

Некоторые нормы УК РФ содержат указание на общие критерии тех или иных признаков, из которых следует исходить правоприменителю. Так, оставляя в ч. 1 ст. 205 УК РФ перечень преступных действий, таких как взрыв и поджог, открытым, законодатель приводит общий критерий для этих и других похожих действий. Такой критерий состоит в том, что все эти действия должны устрашать население и создавать опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий. Вместе с тем, в ряде норм УК РФ такого рода критерии не задаются, что влечет проблему определения смысловых пределов употребляемых законодателем понятий¹³. В большей степени это касается оценочных признаков, таких как «тяжкие последствия», «значительный ущерб», «существенное нарушение» и т. п. использованных в нормах о должностных преступлениях.

Безусловно, что наличие таких понятий в уголовном законе для правоприменителя является необходимым, но данные оценочные понятия имеют и определенные негативные последствия.

Так по мнению Я.В. Гармышева, И.М. Егерев, С.В. Пархоменко существенный недостаток оценочных понятий заключается в опасности усмотрения правоприменителя при квалификации преступления, описанного в уголовном законодательстве при помощи таких понятий (Гармышев, Егерев, Пархоменко, 2016: 733). Но с другой стороны, представить уголовный закон без них просто невозможно. При даже самом высоком уровне законодательной

¹³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. ФЗ от 25 марта 2022 г. № 63-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954

технике законодатель просто не сможет охватить и урегулировать в законе все возможные случаи, тем более, если они связаны с оценочными понятиями, индивидуальным восприятием конкретного правоприменителя конкретной жизненной ситуации.

Одним из вариантов решения данного вопроса Ю. Жариков видит в ориентировании на разъяснения Пленума и Президиума Верховного Суда РФ. Но, по его мнению, этот путь является весьма «опасным», поскольку слишком тонка грань, которая отделяет правомерность решения высшего судебного органа от неправомерности. Он полагает, что нельзя выносить судебные решения по уголовным делам на основании постановлений Пленума Верховного Суда РФ, поскольку единственным источником уголовного права России является лишь УК РФ (Жариков, 2007: 46- 47). При этом в тоже время правоприменитель не может и не должен их игнорировать.

Так в случае с толкованием существенного нарушения охраняемых законом интересов в виде причинения материального ущерба следует обратиться к п. 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 19 от 16 октября 2009 г. «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий»¹⁴. Однако очевидно, что Верховный Суд РФ не вправе указать четких границ существенности такого нарушения, поскольку сам уголовный закон их не предусматривает. В связи с этим высшая судебная инстанция была вынуждена в постановлении указать лишь общие критерии, на которые правоприменителю следовало ориентироваться при оценке ущерба: «степень отрицательного влияния противоправного деяния на нормальную работу организации, характер и размер понесенного ею материального ущерба, число потерпевших граждан, тяжесть причиненного им физического, морального или имущественного вреда и т.п.». По нашему мнению решением данного вопроса являлось бы

¹⁴ О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий: постановление Пленума Верховного Суда РФ № 19 от 16 октября 2009 г. (в ред. ПП ВС РФ от 11 июня 2020 г. № 7) // Российская газета. – 2009. – 30 окт.

определение законодателем правового положения Постановлений Пленума Верховного Суда РФ в статье 1 уголовного закона.

А.В. Сумачев также отводит Постановлениям Пленума Верховного Суда РФ значимую роль в толковании оценочных понятий уголовного закона. Но учитывая тот факт, что разные оценочные понятия уголовного закона от районных судов до Верховного Суда РФ судебные инстанции будут понимать по-разному, во избежание этого, следует разработать примерные характеристики того или иного оценочного понятия и рекомендовать следственно-судебным органам учитывать эти рекомендации в повседневной деятельности. Для этого стоило бы составить соответствующий глоссарий и принять его на уровне Верховного Суда Российской Федерации, закрепив в форме постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации (Сумачев, 2023: 92-93).

Правоприменитель при работе с оценочными понятиями уголовного закона всегда сталкивается с их толкованием.

По мнению М.П. Прониной толкование уголовно-правовых норм имеют следующее значение: 1) толкование уголовно-правовых норм представляет собой важное условие эффективности реализации юридических норм; 2) неправильно истолкованная норма уголовного права представляет собой угрозу для интересов личности, общества и государства, так как влечет нарушение законности; 3) толкование уголовно-правовых норм является одним из инструментов оперативного устранения пробелов в применении законодательства (Пронина, 2018:126)¹⁵.

Представляется, что само существование в уголовном законе оценочных понятий и является устранением пробелов уголовного законодательства. Применяя оценочные понятия, правоприменитель автоматически толкует ту или иную правовую норму. Задача законодателя поставить в определенные рамки этот процесс. Однако и существуют иные точки зрения

¹⁵ Пронина М.П..Определение понятия и содержания толкования уголовно-правовых норм. // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 2 (46). С. 126.

По мнению Канубрикова В.А., использование оценочных признаков приводит к нарушению принципа законности. Например, в преступлениях против собственности (глава 21 УК РФ) одно и то же деяние в зависимости от потерпевшего может быть квалифицировано по разным частям одной статьи либо вообще действия могут не содержать состава преступления. Так, согласно п. 2 примечания к ст. 158 УК РФ «значительный ущерб гражданину в статьях настоящей главы определяется с учетом его имущественного положения, но не может составлять менее двух тысяч пятисот рублей» (Канубриков, 2015: 41).

С данным мнением автора мы не согласны. Существование оценочных понятий, наоборот, более четко позволяют правоприменителю применять правовую норму в зависимости от обстоятельств дела. Совершить хищение 2500 рублей при разных обстоятельствах (у гражданина, для которого данные денежные средства значительны или у гражданина, для которого данные денежные средства не значительны) разные деяния по своей общественной опасности. В первом случае это будет административное правонарушение, а в другом преступление. Существование в уголовном законе оценочных понятий и дает возможность отграничивать преступное поведение от неправомерного.

В пользу существования оценочных понятий в уголовном законе высказываются и другие ученые. Так по справедливому мнению Меньшиковой А.Г., поскольку реальные процессы и явления, подлежащие обязательному государственному регулированию, настолько быстротечны и многообразны, что законодатель не всегда в состоянии своевременно закреплять и корректировать их, а правоприменительная практика гораздо динамичней процедуры принятия закона, мы поддерживаем мнение о необходимости сохранения в уголовном законе оценочных понятий, которое обеспечивает гибкость уголовно-правового регулирования (Меньшикова, 2015:60).

В связи с этим по нашему мнению решением вопроса существования оценочных понятий в российском уголовном законе должно стать:

1. Определение правового статуса Постановлений Пленума Верховного Суда РФ в уголовном законе, поскольку только так единообразно можно определять смысл любого оценочного понятия уголовно – правовых норм.

2. Верховному Суду РФ растолковать смысловую нагрузку и содержание оценочных понятий к каждой норме уголовного закона. Идентичные оценочные понятия встречаются в разных правовых нормах. И их смысл может существенно отличаться друг от друга. Так понятие «значительный ущерб» встречается в уголовном законе в различных составах преступлений 21 раз, и законодатель вкладывает в них для каждого правового института (для каждой нормы) свой смысл.

При выполнении данных условий использование оценочных понятий нашего уголовного закона будет удобно нашему правоприменителю и при этом принцип законности будет строго соблюден.

Библиографический список

1. *Гармышев Я. В., Егерев И. М., Пархоменко С. В.* К вопросу о квалификации некоторых оценочных понятий в уголовном праве России // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10, № 4. С. 732-739.

2. *Жариков Ю.* Реализация оценочных понятий в уголовном праве // Законность. 2007. № 9. С. 45-47.

3. *Канубриков В. А.* Оценочные признаки: проблемы применения и соответствие принципам российского уголовного законодательства // Юридическая наука и правоохранительная практика 2 (32) 2015. С. 39-45.

4. *Меньшикова А. Г.* Оценочные понятия в уголовном законе. // Российское право: образование, практика, наука. 2015 №6. С. 59-61.

5. *Пронина М. П.* Определение понятия и содержания толкования уголовно-правовых норм. // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 2 (46). С. 123-128.

6. Сумачев А. В. Судебное толкование уголовно – правовых оценочных понятий. // Вестник югорского государственного университета 2023 г. Выпуск 3. С. 88-93.

Maxim V. Morozov

Law office lawyer Chamber of Lawyers of the Novosibirsk
Region Associate Professor of the Department of Criminal Law and National
Security

NSUEU

Candidate of Legal Sciences

Novosibirsk, Russia

e-mail: m_morozov_84@mail.ru

VALUATIONAL CONCEPTS IN RUSSIAN CRIMINAL LAW

Abstract: This article examines the issue of the existence of evaluative concepts in Russian criminal law. The problems and conditions for their existence are indicated. A variant of optimal conditions for their existence in Russian criminal law is proposed. The necessity of their existence is substantiated. Attention is drawn to the significant role of the Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation in the approach to understanding evaluative concepts.

Keywords: evaluative concepts, criminal law, interpretation, Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, principle of legality

Морозов Виктор Иванович

кандидат юридических наук, доцент

Заведующий кафедры уголовно-правовых дисциплин ИГП ТюмГУ

Тюмень, Россия

e-mail: vik-mor@mail.ru

Лосев Сергей Геннадьевич

кандидат юридических наук

доцент кафедры уголовно - правовых дисциплин

ИГП ТюмГУ

Тюмень, Россия

e-mail: s.g.losev@utmn.ru

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ КРУПНОГО УЩЕРБА В ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация: Статья посвящена проблемам правового регулирования определения размера ущерба, причиненного в результате совершения преступных посягательств на общественную безопасность. Отмечаются проблемы законодательной техники, выраженные в несогласованности определения понятия «крупный ущерб» в различных разделах главы 24 УК РФ. Даются предложения по совершенствованию текста статьи 216 УК РФ.

Ключевые слова: ст. 216 УК РФ, крупный ущерб.

Уголовное законодательство России находится в состоянии непрерывной динамичной трансформации, иногда даже излишне динамичной – за истекший, 2023 год было принято 14 законов, вносящих изменения в УК РФ, за прошедшие три месяца текущего года уже было принято четыре таких закона.

Подобная скорость внесения изменений требует тщательной, кропотливой работы, которая, к сожалению, не всегда проводится, что объясняет появления в Уголовном кодексе изменений, которые противоречат содержанию других уголовно-правовых норм. Остановимся на одном из таких недостатков.

В главе 24 УК РФ содержится ст. 216 УК РФ «Нарушение правил безопасности при ведении строительных или иных работ». Основной состав статьи 216 УК РФ в качестве одного из альтернативных последствий указывает «крупный ущерб». Согласно примечания к данной статье, крупным является ущерб, сумма которого превышает пятьсот тысяч рублей. При этом в тексте примечания прямо говорится о том, что размер ущерба применяется в отношении всех составов преступлений, содержащихся в указанной главе, без каких - либо исключений. Примечание было введено ФЗ № 162 от 08.12.2003 "О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации"¹⁶. Представляется, что размер ущерба, причиненного по неосторожности, превращающего нарушение тех или иных правил в общественно опасное деяние, определен законодателем весьма вольно, поскольку в пояснительных записках к данному законопроекту отсутствует технико-экономическое или какое-либо иное обоснование определения суммы ущерба, что на мой взгляд, должно в обязательном порядке присутствовать, тем более, что законодатель попытался распространить данное понятие на все уголовно-правовые нормы главы 24 УК РФ. К чему же привел такой подход законодателя к определению размера крупного ущерба?

Федеральным законом от 21.07.2011 № 257-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения безопасности объектов топливно-энергетического комплекса"¹⁷ в состав УК РФ была введена статья 217.1 УК РФ, а Федеральным законом от 31.07.2023 № 398-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и

¹⁶ О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации" (с изменениями и дополнениями): Закон РФ от 8 декабря 2003 г. // Рос. газ. 2002. 16 декабря.

¹⁷ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения безопасности объектов топливно-энергетического комплекса: Закон РФ от 21 июля 2011 года // Рос. Газ. 2011. 26 июля.

статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»¹⁸
статья 217.3 УК РФ «Нарушение требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий), конструктивным признаками которых был также указан крупный ущерб. Однако, вопреки очевидному, в примечании к ст. 217.1 УК РФ в качестве признаков крупного ущерба указывается совсем иной размер – превышающий 1 млн. рублей. Очевидно, что содержание примечания к ст. 217.1 УК РФ вступает в противоречие с примечанием к ст. 216 УК РФ. Кроме того, вступающая с 1 июля 2024 г. в действие ст. 217.3 УК РФ, которая предусматривает уголовную ответственность за нарушение требований к антитеррористической защищенности объектов, также указан аналогичный размер крупного ущерба. Ст. 207 УК РФ «Заведомо ложное сообщение об акте терроризма» в редакции ФЗ от 31.12.2017 № 501-ФЗ предусматривает в части второй в качестве квалифицирующего признака причинение крупного ущерба, который, в соответствии с примечанием 1 должен быть свыше 1 миллиона рублей. И только ст. 215.1 УК РФ «Прекращение или ограничение подачи электрической энергии либо отключение от других источников жизнеобеспечения (принята ФЗ-77 от 27. 05. 1998 г.), 217 «Нарушение требований промышленной безопасности опасных производственных объектов», 217.2 «Заведомо ложное заключение экспертизы промышленной безопасности» (в ред. Федерального закона от 23.04.2018 № 114-ФЗ) используют термин «крупный ущерб» не оговаривая его размер, следовательно, в том значении, в котором он указан в примечании к статье ст. 216 УК РФ. Кроме того, следует отметить, что в п. «в» части второй статьи 205 УК РФ предусматривает такой квалифицирующий признак, как причинение значительного имущественного ущерба, размер которого не определен в этой норме. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» отмечается, что,

¹⁸ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Закон РФ от 31 июля 2023 года // Рос. Газ. 2023. 8 августа.

определяя значительность ущерба необходимо принимать во внимание стоимость уничтоженного имущества либо затрат на его восстановление, значимость имущества для потерпевшего. Учитывая, что совершение теракта практически всегда связано с причинением значительного имущественного ущерба, целесообразно, на наш взгляд, заменить термин «значительный ущерб» в п. «в» ч. 2 ст. 205 УК РФ на «крупный ущерб», то есть на тот термин, который использует законодатель в остальных нормах главы 24 УК РФ. Таким образом, примечание к статье 216 УК РФ применимо еще только к трем составам преступлений, в то же время в трех остальных составах преступлений крупный ущерб должен превышать миллион рублей.

Кроме того, необходимо отметить концептуальную проблему содержания ч. 1 ст. 216 УК РФ, в котором уравнивается тяжкий вред здоровью человека и имущественный ущерб, что противоречит соотношению ценностей, закрепленному в Конституции РФ.

Необходимо отметить, что признак состава преступления «причинение крупного ущерба» привлекает недостаточно, на наш взгляд, внимание авторов, анализирующих нормы главы 24 Особенной части Уголовного кодекса РФ. Основной фокус внимания исследований сосредоточен на анализе признаков деяния, повлекшего эти последствия. Аналогично и акты толкования, которые дает Верховный суд РФ, не определяют, что входит в понятие крупного ущерба. Так, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2018 № 41 «О судебной практике по уголовным делам о нарушениях требований охраны труда, правил безопасности при ведении строительных или иных работ либо требований промышленной безопасности опасных производственных объектов» ни слова не сказано о том, что понимается под ущербом в статьях 216 и 217 УК РФ¹⁹. Как правило, в уголовном праве, в качестве признака состава преступления рассматривается реальный ущерб (утрата или

¹⁹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2018 № 41 "О судебной практике по уголовным делам о нарушениях требований охраны труда, правил безопасности при ведении строительных или иных работ либо требований промышленной безопасности опасных производственных объектов" // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72016308/> (дата обращения: 30.04.2024)

повреждение имущества, произведенные расходы или расходы, которые будут произведены в будущем). Вместе с тем, в гражданском праве в размер ущерба включается и упущенная выгода. Однако, в некоторых случаях, и при применении уголовно-правовых норм используется «гражданско-правовое» понятие ущерба. Так, в п. 22 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», отмечается, что суд должен установить, причинен ли деянием реальный материальный ущерб либо ущерб в виде упущенной выгоды²⁰. Под упущенной выгодой в данном постановлении понимается неполученный доход, который были бы получен при обычных условиях гражданского оборота. Возникает вопрос о том, можно ли включать упущенную выгоду в размер ущерба применительно к преступлениям против общественной безопасности? Изученные нами материалы уголовных дел свидетельствуют о том, что применительно к составам преступлений главы 24 УК РФ судебная практика учитывает только реальный материальный ущерб. Так, приговором городского суда Южно-Сахалинска от 17.11.2020 по уголовному делу № 1-1199/20 Ч. был осужден по ч. 1 ст. 216 УК РФ, при этом размер ущерба определен исходя из стоимости восстановительного ремонта кровли дома в г. Южно-Сахалинске, которая составила 13 миллионов 507 тысяч 101 рубль и стоимости капитального ремонта пострадавшей муниципальной квартиры в размере 519 тысяч 938 рублей 33 копейки. Всего размер был определен в 14 миллионов 027 тысяч 039 рублей 33 копейки, что составило крупный ущерб²¹.

Можно отметить, что уголовные дела, возбужденные по ст. 216 УК РФ, изученные нами при написании статьи, в большинстве своем возбуждены по признакам причинения тяжкого вреда здоровью. Однако, имеются и уголовные дела, в которых фигурирует крупный ущерб – так, приговором Армавирского

²⁰ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. N 48 "О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате" (с изменениями и дополнениями) // URL: <https://base.garant.ru/71823288/> (дата обращения: 30.04.2024)

²¹ Приговор Южно-Сахалинского городского суда по делу № 1-1199/20 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/CGqIoHVTAsYP/> (дата обращения: 30.04.2024)

городского суда Краснодарского края от 7 июня 2010 года Б. осужден по ч. 1 ст. 216 УК РФ к штрафу в размере 30 тыс. рублей в доход государства, который нарушил правила безопасности при ведении работ, что повлекло по неосторожности причинение крупного ущерба²².

В исследовании О.В. Минаковой анализируется ущерб как квалифицирующий признак ч. 1 ст. 216 УК РФ и отмечается, что в большинстве своем ущерб значительно меньше 1 млн. рублей: в 68,3 % приговоров материальный ущерб составил менее 100 тыс. руб., в 25,1 % случаев — от 200 до 400 тыс. руб. 4,3 % — от 500 тысяч руб. (суммы менее полмиллиона рублей учитываются наряду с тяжким вредом здоровью). Далее автор утверждает, что уголовные дела по ст. 216 УК РФ возбуждаются исключительно по факту причинения вреда здоровью человека или его смерти, а не по причине причинения крупного ущерба, что подтвердили 79 % следователей Следственного комитета России (Минакова, 2021: 99). Опираясь на приведенные данные, Минакова О.В. выдвигает предложение вообще исключить крупный ущерб из числа квалифицирующих признаков ст. 216 УК РФ. Как представляется, данное переложение является несколько спорным в силу того, что причинение крупного материального ущерба по неосторожности вследствие нарушения каких-либо правил является общественно опасным и вполне обоснованно выступает в качестве криминообразующего признака в составах преступлений не только главы 24, но и в иных главах УК РФ. Однако последствие в виде крупного ущерба не должно приравниваться к причинению тяжкого вреда здоровью человека (Минакова, 2021). И если в части первой уголовно-правовой нормы предусмотрено последствие в виде причинения ущерба, то тяжкий вред здоровью должен быть квалифицирующим обстоятельством.

Каким образом можно разрешить отмеченные проблемы?

²² Верховный Суд Российской Федерации надзорное определение от 2 февраля 2012 г. N 18-д11-96 // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=251579#AzY6RBUSi2B5B> ОСу (дата обращения: 30.04.2024)

1. Данную проблему можно решить по аналогии с содержанием примечания к ст. 170.2 УК РФ, сформулировав примечание к ст. 216 следующим образом: В статьях настоящей главы, за исключением ст.ст. 217.1, 217.3 крупным размером признается ущерб, сумма которого превышает пятьсот тысяч рублей;

2. Отказаться от указания в примечании к ст. 216 УК РФ о применимости данного примечания ко всем составам, описанным в главе

3. Наконец, можно предложить сформулировать определения крупного ущерба для всех составов преступлений в Общей части УК РФ, указав «если иное не предусмотрено в статье Особенной части УК РФ».

4. Также следует в первой части ст. 216 УК РФ оставив крупный ущерб в качестве признака состава преступления, в части первой со значком один предусмотреть признак «причинение тяжкого вреда здоровью».

Библиографический список

1. *Минакова О. В.* О совершенствовании правовой регламентации преступления, предусмотренного статьей 216 УК РФ // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. - № 3 (98). - С. 90-106.

Viktor Iv. Morozov

Candidate of Legal Sciences,

Associate Professor,

Head of the Department of Criminal Law Disciplines,

IGP TyumSU

Tyumen, Russia

e-mail: vik-mor@mail.ru

Sergey G. Losev

Candidate of Legal Sciences,

Associate Professor of the Chair of Criminal Law Disciplines

IGP TyumSU
Tyumen, Russia
e-mail: s.g.losev@utmn.ru

TO THE QUESTION OF THE CONCEPT OF LARGE DAMAGE IN CRIMES AGAINST PUBLIC SECURITY

Abstract: The article is devoted to the problems of legal regulation of determining the amount of damage caused as a result of committing criminal offenses against public security. The problems of legislative technique expressed in the inconsistency of the definition of the concept of "large damage" in different sections of Chapter 24 of the Criminal Code of the Russian Federation are noted. Proposals on improvement of the text of article 216 of the Criminal Code of the Russian Federation are given.

Keywords: article 216 of the Criminal Code of the RF, large damage.

Сопин Илья Олегович

Преподаватель кафедры уголовного права и криминологии
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

Россия, Омск

e-mail: isopin055@mail.ru

БИОЧЕРНИЛА КАК ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Аннотация: в статье поднимается актуальный вопрос нравственности и законности применения эмбриональных стволовых клеток в качестве биочернил в высокотехнологичных отраслях медицины. Обращается внимание на проблему отсутствия уголовно-правовой охраны эмбриона. Обосновывается необходимость внесения изменений в Уголовный кодекс РФ, а также запрета фетальной медицины в России

Ключевые слова: биочернила, эмбриональные стволовые клетки, уголовно-правовая охрана эмбриона, уголовный закон

Острая нехватка донорских органов и тканей человека, усиливающаяся рядом негативно-социальных факторов таких как военные конфликты и эпидемии, а также отсутствие должной превентивной медицинской помощи населению являются детерминирующими факторами развития технологий биопечати в создании органов и тканей. Нельзя не согласиться и с тем, что усиление движения трансгуманизма также имеет пагубное влияние на этот процесс, ведь самыми мощными препаратами для достижения целей биохакинга и анти-эйдж терапии являются структуры эмбриональных стволовых клеток.

Ключевыми компонентами, необходимыми для создания биоимплантов являются скаффолд, эмбриональные стволовые клетки и биоактивные вещества и сама система 3D принтера. Наиболее дискуссионным и интересным для

уголовно- правовой и криминологической науки являются эмбриональные стволовые клетки, отвечающие определенным признакам преступности и правового нигилизма сферы инновационных и высокотехнологичных медицинских биотехнологий. К сожалению, основным источником стволовых клеток является эмбриональная ткань, в особенности плацентарная (Донцов, Чернилевский, 2001: 25-32).

На сегодняшний день процедура биопринтинга проходит путь разработки более массового применения и процент получения биочернил из тканей зародышей очень высок, поэтому видится целесообразным ставить вопрос об уголовно-правовой охране эмбриона на самом раннем этапе, так называемого проэмбриона (2 недели с момента зачатия), самого эмбриона и уже плода человека. Аналогичное мнение высказывала Галюкова М.И. в своей статье предпосылки уголовной ответственности за биопринтинг (Галюкова, 2023: 76, 85-97).

Логичным было бы вновь поднять вопрос пересмотра медицинских критериев рождения²³, ведь вопрос определения жизни видится сильно «отложенным», а именно жизнь начинается с первого вдоха и самостоятельной сердечной и дыхательной функциями (самостоятельная работа мозга) в то же время до этого момента, «что» или «кто» есть эмбрион? При разумном ответе кто есть эмбрион, необходим его статус как уголовно охраняемого объекта. Ведь право на жизнь проэмбриона должно охраняться с момента зачатия, так как он, эмбрион и является истоком формирования человеческой личности. Массив НПА различных уровней и правовых систем в мире охраняют жизнь и права ребенка, взрослого и пожилого человека и эта же логика должна распространяться на отрезок жизни от момента зачатия и до появления на свет (Хенч, Джоунс, 2007: 304). В данном случае нельзя не согласиться с Романовским Г.Б., а именно с его мнением по определению начала жизни

²³ Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 27 декабря 2011 г. N 1687н "О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке ее выдачи" (с изменениями и дополнениями). Доступ из справ. - правовой системы «КонсультантПлюс».

человека в рамках уголовного права и в данном случае логичным подтверждением являются множественные инструментальные исследования, доказывающие, что эмбрион в ходе ультразвуковой диагностики способен издавать самостоятельные звуки. Следует отметить, что УК ФРГ имеет такие составы преступлений, как «агитация за прерывание беременности» и «сбыт средств для прерывания беременности». В некоторых странах наказуемым является самоаборт (Швейцария, Германия, Австрия) (Крылова, 2002: 38-53).

В Австралии законом охраняется право эмбриона подать иск о возмещении вреда, который был ему причинен по неосторожности в период его внутриутробного развития, а законодательство Калифорнии устанавливает ответственность за убийство эмбриона (Шарнина, 2012: 33-42).

Исходя из вышеизложенного, непонятна позиция отечественного законодателя, касаемая декриминализации разработок и использования эмбрионов в биопринтинге на фоне провальной демографической политики государства, подрывающей основы национальной безопасности страны, из сложившихся реалий данный вектор развития можно определить лишь как слабость государства в противостоянии преступному транснациональному бизнесу медицинских и фармакологических компаний, аппетиты которых уже перешагнули поддержание нормального гомеостаза человека и движутся по пути создания киберчеловека, с использованием инновационных трансгуманистических биотехнологий.

Отрицание у эмбриона статуса человека приводит к множеству всевозможных манипуляций с ним, в том числе рост аборт в отсутствие медицинских показаний, а лишь с целью получения ценной ткани для выделения эмбриональных стволовых клеток и последующего использования в качестве биочернил. Также видится категорически неверным отнесение технологий биопринтинга к категории «биомедицинский клеточный продукт» и отнесению его к медицинским изделиям, как это предлагает редакция ст. 38 ФЗ

«Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»²⁴, так как биочернила состоят из эмбриональной ткани и содержит био и генетический материал тканей, клеток, ДНК.

В связи с чем видится целесообразным признание эмбриона самостоятельным объектом уголовно-правовой охраны, введение императивного запрета на фетальную медицину в Российской Федерации, а также дополнение диспозиций со следующей формулировкой: изъятие органов и тканей с целью биопринтинга дополнить п. «м» ч. 2 ст. 105, ст. 120, 127.1, 244 УК РФ в действующую редакцию Уголовного кодекса РФ²⁵.

Библиографический список

1. *Донцов В. И., Чернилевский В. Е.* Пересадка эмбриональных клеток: новые возможности в биологии и медицине // Профилактика старения. - 2001. - № 4. - С. 25-32.
2. *Хенч Л., Джоунс Д.* Биоматериалы, искусственные органы и инжиниринг тканей. - М.: Техносфера, 2007. – 304 с.
3. *Галюкова М. И.* Предпосылки уголовной ответственности за биопринтинг // Lex russica. — 2023. — Т. 76. — № 1. — С. 85-97.
4. *Шарнина Л. А.* Состояние и задачи реализации, обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. - 2012. - № 1. - С. 33-42.
5. *Крылова Н. Е.* Ответственность за незаконное производство аборта и необходимость уголовно-правовой защиты «будущей» жизни // Вестник МГУ Сер. 11 Право. - 2002. - № 6. - С. 38 - 53.

²⁴ Федеральный закон "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации" от 21.11.2011 N 323-ФЗ (Дата обращения: 03.04.2024)

²⁵ «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 23.03.2024). Дата обращения: 03.04.2024. Доступ из справ. - правовой системы «КонсультантПлюс».

Ilya O. Sopin

Lecturer at the Department of Criminal Law and Criminology

Omsk State University named after. F. M. Dostoevsky

Russia, Omsk

e-mail: isopin055@mail.ru

BIO-INK AS A SUBJECT OF A CRIME

Abstract: the article raises the pressing issue of the morality and legality of using embryonic stem cells as ink in the high-tech biomedical industry. Attention is drawn to the problem of criminal legal protection of the embryo. The need for amendments to the Criminal Code of the Russian Federation, as well as the ban on fetal medicine in Russia, is substantiated

Keywords: bioink, embryonic stem cells, criminal law protection of the embryo, criminal law

Ахатова Алия Махмутовна

Ассистент кафедры уголовного права и криминологии
Удмуртского государственного университета (ФГБОУ ВО «УдГУ»)

Ижевск, Россия

e-mail: ahatova.aliya3@mail.ru

**ПОНЯТИЙНО-КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ АППАРАТ ИНСТИТУТА
СОУЧАСТИЯ В ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СОВЕРШАЕМЫХ С
ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ ИЛИ ИНФОРМАЦИОННО-
ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЕЙ (ВКЛЮЧАЯ СЕТЬ
«ИНТЕРНЕТ»)**

Аннотация: Статья посвящена проблемным вопросам института соучастия. Ключевое внимание уделено понятийному аппарату соучастия, проанализированы его признаки. Используя методы сравнительного анализа материалов судебно-следственной практики, автор предпринял попытку обоснования нового определения понятия соучастия. По результатам исследования сформулированы выводы по квалификации преступлений, совершенных в соучастии.

Ключевые слова: уголовное право; соучастие в преступлении, группа лиц по предварительному сговору, группа лиц, преступления, совершаемые с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (далее – ИТС), (включая сеть «Интернет»), невменяемый, лицо, не достигшее возраста уголовной ответственности.

С учетом цифровизации всего общества возникают спорные вопросы относительно квалификации действий лиц, участвующих совместно в совершении преступлений. Профессор кафедры уголовного права МГЮА им. О.Е. Кутафина, д.ю.н. Ю.Е. Пудовочкин отмечает, что институт соучастия

тесно связан с особенностями исторического момента, социальной и криминологической обстановки (Пудовочкин, 2018: 102-112). Не случайно соучастие в преступлениях, совершенных с использованием электронных, ИТС (включая сеть «Интернет») вызывает массу теоретико-прикладных проблем (Яцеленко, 2024: 35 – 38). Обзору отдельных судебных решений в понимании соучастия, ее признаков будет посвящена данная статья (Яни, 2023:21-24).

В доктрине уголовного права соучастием признается **совместное виновное** участие **двух или более лиц**, действия которых взаимосвязаны друг с другом и с наступившим преступным результатом. Изложенная законодательная формулировка ст. 32 Уголовного кодекса не содержит ответа на вопрос о возможности признания соучастием совместные действия лиц, один из которых не подлежит уголовной ответственности. При этом уголовный закон не конкретизирует, кого следует понимать под «лицами» в указанной выше статье.

Нельзя не согласиться с профессором кафедры уголовного права МГЮА им. О.Е. Кутафина, д.ю.н. А.И. Рарогом, который считает, что само по себе привлечение лица к участию в преступлении представляет большую общественную опасность, независимо от наличия у такого лица признака субъекта преступления (Рарог, 2016: 288). Доцент УФ РГУП, к.ю.н Д.А. Гарбатович также полагает, что вероятность завершения и наступления преступного результата выше в случаях, когда в преступлении действовали два лица, независимо от их правового статуса (Гарбатович, 2022: 32-34).

Соглашаясь с мнениями вышеуказанных ученых, отметим, что для потерпевшего не имеет значение правовой статус лиц, совершающих общественно-опасное деяния. Совместность участия повышает степень общественной опасности преступления. Это подтверждается возможностью причинение более тяжкого вреда, способностью облегчить преступление.

Профессор кафедры уголовного права МГЮА им. О.Е. Кутафина, д.ю.н. И.А. Клепицкий отмечает, что законодатель создал юридическую фикцию, поскольку согласно букве закона невменяемые или малолетние не способны к

совместному сговору в юридическом смысле. Тем не менее, данные лица способны участвовать в сговоре, договариваться, вести диалог. Поэтому преступление следует квалифицировать по направленности умысла виновного, иное нарушит принцип вины (Клепицкий, 2022:135-140).

В подтверждении данного мнения следует обратить внимание на психологию малолетних. Согласно возрастной психологии уже в среднем дошкольном возрасте (3,4 – 4 года) при совместной игре дети имитируют поведение взрослых, ведя диалог друг с другом, распределяя роли: семейная, где героями выступают родители и дети; сказочная (волк, коза) и т.д. (Хилько, 2024: 201; Шаповаленко, 2024: 457).

Невменяемость или недостижения возраста уголовной ответственности для другого лица в момент совершения преступления может быть неизвестен. Вопрос о наличии статуса субъекта преступления будет решаться при расследовании уголовного дела и в судебном заседании. Поэтому считаем, что квалификация действий лица при совершении преступления с лицом, не являющимся субъектом преступления, должна осуществляться по признаку группы лиц. В противном случае, нарушаются принципы справедливости и гуманизма в отношении потерпевшего.

Ранее в разъяснениях ППВС РФ отчетливо прослеживалось соразмерность деяния тяжести наказания. Так, Верховным судом в Гос. думу РФ был внесен проект ФЗ «О внесении дополнения в статью 35 Уголовного кодекса Российской Федерации» в 2001 году. Законодателем было предложено изменить понятие соучастие в ст. 33 УК РФ: «Исполнителем преступления признается и такое лицо, которое совершает преступление **посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или других обстоятельств**»²⁶. Преступление считалось «групповым» исходя из того, что при его совершении **умыслом виновного охватывалось данное обстоятельство и что с объективной**

²⁶ Постановление ГД ФС РФ от 17.01.2001 N 1016-III ГД "О проекте Федерального закона "О внесении дополнения в статью 35 Уголовного кодекса Российской Федерации"

стороны совершение преступления стало возможным только благодаря участию в нем других лиц (например, невменяемых либо 13-летних подростков)²⁷. Тем не менее, законопроект отклонили, обосновав тем, что лица, не подлежащие уголовной ответственности не могут быть соучастниками преступления²⁸.

Положение о квалификации действия лица как соучастия находило отражение в ППВС от 22 марта 1966 г. «О судебной практике по делам о грабеже и разбое»²⁹ (п. 19) и от 22 апреля 1992г. «О судебной практике по делам об изнасиловании» (абз. 2 ст. 9)³⁰. С началом нового 21 века в правоприменительной практике была обозначена тенденция в отказе от вменения признака группы лиц субъекту преступления, если он участвовал совместно с лицом, не подлежащим уголовной ответственности.

Полагаю, что необходимо вернуться к разъяснениям ППВС и пересмотреть понятийно-категориальный аппарат института соучастия, поскольку, как было сказано выше, данный институт тесно связан с особенностями исторического момента.

Тем не менее, судебная практика по исследуемому вопросу отличается. В Определении Верховного Суда РФ от 21 декабря 2022 № 58-УД22-19-А5 суд квалифицировал действие участников как группу лиц, один из которых являлся малолетним. Суд обосновал соучастие тем, что наступившие последствия в виде смерти потерпевшего явились результатом их совместных действий. Умыслом лица охватывалось и то, что преступление лицо совершает

²⁷ Пояснительная записка "К проекту Федерального закона "О внесении дополнения в статью 35 Уголовного кодекса Российской Федерации"

²⁸ Письмо Президента РФ от 31.05.2001 N Пр-994 <Заключение на проект Федерального закона "О внесении дополнения в статью 35 Уголовного кодекса Российской Федерации">, Решение Комитета ГД ФС РФ по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству от 20.05.2004 N 14(2) "О проекте Федерального закона N 90010379-3 "О внесении дополнения в статью 35 Уголовного кодекса Российской Федерации"

²⁹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.03.1966 N 31 (ред. от 25.10.1996) "О судебной практике по делам о грабеже и разбое"

³⁰ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.04.1992 N 4 (ред. от 21.12.1993) "О судебной практике по делам об изнасиловании"

совместно и по предварительному сговору с другим лицом, не достигшее возраста уголовной ответственности³¹.

В следующем примере Судебная коллегия ВС по уголовным делам указала, что в статьях Общей части Уголовного кодекса не предусмотрено обязательно **наличие вменяемости и возраста соучастников преступления**. Уголовный закон **не связывает возможность признания преступления совершенным группой лиц по предварительному сговору с наличием в такой группе только лиц, подлежащих уголовной ответственности**. Чепииков обвинялся в том, что, действуя группой лиц по предварительному сговору с Л., (признан судом невменяемым). Наступившие последствия в виде причиненного материального ущерба явились результатом их совместных действий. Чепииков не только предложил Л. совместно с ним совершить кражу, но и лично участвовал в краже продуктов (*Определение № 75-УДП21-8-КЗ от 27 мая 2021 г.*)^{32,33}.

Противоречия в правоприменительной практике – следствие единой причины – отсутствие возможности привлечения единственного субъекта преступления к более строгой ответственности (Мелишко, 2016:57-65).

Применительно к преступлениям, совершаемым с использованием ИТС следует обратить внимание на возможное участие малолетних лиц. Повышенная анонимность достигается за счет дистанционного характера взаимодействия между участниками. Получить достоверную информацию о возрасте лица бывает достаточно сложно (создание аккаунтов с «ник-неймами», использованием чужих аккаунтов (учетных записей) в социальной сети, форумах и конференциях, мессенджерах, чатах, сетевых играх, web-страниц).

³¹ Определение Верховного Суда РФ от 21.12.2022 N 58-УД22-19-А5 [Электронный ресурс] // СПС "КонсультантПлюс".

³² Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 27 мая 2021 г. N 75-УДП21-8-КЗ // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2022. N 5. С. 16 - 17.

³³ Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 12.08.2021 N 77-1583/2021

Очевидно, что подобное средство идентификации лица, как «ник-нейм»³⁴ не является фактором подтверждения личности (возраста и вменяемости) (Поляков, 2023:117-126). Даже факт наличия общеизвестного доменного имени не позволяет идентифицировать личность-субъекта совершаемого преступления, которая выходила в интернет-поле (Пучков, 2017).

Р. И. Дремлюга, Д. В. Пучков отмечают, что при анализе практики решений судов о групповых преступлениях, совершенных с использованием ИТС ключевой их особенностью выступает - территориальная рассредоточенность субъектов, а также анонимность участников группы во взаимоотношениях друг с другом (Дремлюга, Пучков, 2021: 1057-1058). Неизвестность все же означает, что личность участника преступления (возраста, вменяемость) была безгранична для другого лица. Считаем, что такие действия необходимо признавать соучастием.

Нельзя не согласиться с профессором СГЮА, д.ю.н Н.А. Лопашенко, которая считает, что степень общественной опасности деяния, совершенного группой лиц, один из которых не является субъектом преступления в юридическом смысле, не снижает степени общественной опасности преступления, а наоборот, повышает ее (Лопашенко, 2012:528). Считаем, что данный факт должен найти отражение в уголовном законе при уяснении категориального аппарата соучастия.

Профессор УрГЮУ им В.Ф. Яковлева, д.ю.н З. А. Незнамова выделяет два вида возможного соучастия, которые, по нашему мнению, возможно транспонировать на преступления, совершаемые с использованием ИТС. Параллельное соисполнительство считается таковым, когда два и более лица параллельно осуществляют объективную сторону в виде неправомерного доступа к компьютерной информации, а затем уничтожают, копируют, блокируют или модифицируют информацию. Последовательное соисполнительство имеет место быть, когда каждый из лиц осуществляет лишь

³⁴ Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 27.11.2019 N 224-АПУ19-7

один этап преступного действия. Например, одно лицо осуществляет взлом аккаунта, а другое - уничтожает, копирует, блокирует или модифицирует информацию (Незнамова, 2024:351).

В целях разрешения вопроса о понятийно-категориальном аппарате института соучастия А.И. Рарог предлагает внести в Уголовный кодекс 36.2. «Совершение преступления с участием лиц, не подлежащих уголовной ответственности» (Разогреева, 2020:211-229). О необходимости изменения понятия соучастия отмечают Г.А. Есаков Т.Г. Понятовская (Есаков, Понятовская, 2012). В их понимании необходимо изменить понятия исполнителя. Признать таковым и лицо, совершившее преступление посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности (Рарог, 2012:288).

Центральной фигурой в преступлении является лицо, умыслом которого охватывается признаки состава преступления (Ткачев, 2006). Очевидно, что, не являясь субъектами преступления, они не могут быть и соучастниками преступления.

Тем не менее, признание соучастием действие лиц, один из которых не является субъектом преступления, позволит квалифицировать подобное преступление как групповое. Поскольку участие малолетнего или невменяемого усиливает общественную опасность посягательства, увеличивает шанс довести преступление до конца.

Предлагаемое изменение понятия соучастия не должно вступать в противоречие с посредственным исполнением, так как во втором случае лицо, не являющееся субъектом преступления было использовано в качестве орудия совершения преступления, в отсутствии совместного выполнения объективной стороны.

Библиографический список

1. *Рарог А. И.* Качество уголовного закона: проблемы Общей части: монография / отв. ред. А. И. Рарог. – М.: Проспект, 2016.

2. *Гарбатович Д. А.* Соучастие в преступлении с "негодным" субъектом: проблемы буквального толкования уголовного закона // Администратор суда. 2022. № 4. С. 32 - 34.
3. *Дремлюга Р.И., Пучков Д.В.* Понятие и общая характеристика преступлений в сфере компьютерной информации // Полный курс уголовного права: в 10 т. Т. VII / под ред. А.И. Коробеева. СПб., 2021. С. 1057 - 1058.
4. *Незнамова З.А.* Уголовное право: Особенная часть: Учебник для вузов / Отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова, Г.П. Новоселов. — 2-е изд., перераб. и доп. - Москва: Издательство Юрайт, 2024. — 351 с.
5. *Клепицкий И. А.* Участие невменяемого в совершении преступления // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 2. — С. 135–140.
6. *Лопашенко Н. А.* Посягательства на собственность: монография. М.: Норма, Инфра-М, 2012. 528 с.
7. *Мелешко Д. А.* Квалификация преступлений, совершенных при фактическом участии лиц, не подлежащих уголовной ответственности // Уголовное право. 2016. № 4. С. 57 - 65.
8. *Поляков В. В.* Групповая форма совершения преступлений как один из признаков высокотехнологичной преступности // Российский юридический журнал. 2023. N 1. С. 117 - 126.
9. *Пудовочкин Ю. Е.* Концепция соучастия: опыт теоретической разработки и нормативного закрепления // Журнал российского права. 2018. № 8. С. 102 - 112.
10. *Пучков Д. В.* К вопросу взаимосвязи кибернетических технологий и уголовного права // Социально-политические науки. 2017. № 6.
11. *Ткачев И.О.* Актуальные вопросы квалификации соисполнительства в убийстве двух и более лиц // "Адвокатская практика", 2006, № 3.
12. Уголовно-правовое воздействие: монография / Г.А. Есаков, Т.Г. Понятовская, А.И. Рарог [и др.]; под ред. А.И. Рарога. М.: Проспект, 2012. 288

13. *Хилько, М. Е.* Возрастная психология : учебное пособие для вузов / М. Е. Хилько, М. С. Ткачева. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2024. — 201 с.
14. *Разогреева А.М.* Правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации по вопросу квалификации преступлений с "негодным" субъектом: опыт дискурс-анализа // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 1. С. 211 - 229.
15. *Шаповаленко, И. В.* Психология развития и возрастная психология: учебник и практикум для вузов / И. В. Шаповаленко. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2024. — 457 с.
16. *Яни П.С.* Вопросы соучастия: взгляды профессора Комиссарова (к юбилею ученого) // Законность. 2023. № 11. С. 21 - 24.
17. *Яцеленко Б.В.* Институт соучастия в преступлении: некоторые вопросы доктринальной и судебной интерпретации // Российский следователь. 2024. № 1. С. 35 - 38.

Aliya M. Akhatova
Assistant at the Department of Criminal Law and Criminology, Udmurt State
University (FSBEI HE «UdSU»)
Izhevsk, Russia
e-mail:ahatova.aliya3@mail.ru

**CONCEPTUAL-CATEGORIAL APPARATUS OF THE INSTITUTE OF
COMPLICITY IN CRIMES COMPLETED USING ELECTRONIC OR
INFORMATION AND TELECOMMUNICATION NETWORKS
(INCLUDING THE INTERNET)**

Abstract: The article is devoted to problematic issues of the institution of complicity. Key attention is paid to the conceptual apparatus of complicity, its features are analyzed. Using methods of comparative analysis of materials from forensic

investigative practice, the author attempted to substantiate a new definition of the concept of complicity. Based on the results of the study, conclusions were formulated on the classification of crimes committed in complicity.

Key words: criminal law; complicity in a crime, a group of persons by prior conspiracy, a group of persons, crimes committed using electronic or information and telecommunication networks (hereinafter referred to as ITS), (including the Internet), insane, a person under the age of criminal responsibility.

Баландин Алексей Леонидович

адвокат, Адвокатская палата Омской области

Омск, Россия

e-mail: alexbalomsk@gmail.com

ПОДЛОГИ ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ СТРАН МУСУЛЬМАНСКОЙ ПРАВОВОЙ СЕМЬИ

Аннотация. В статье анализируется уголовное законодательство о подлогах в четырех странах мусульманской правовой семьи: Египте, Турции, Иране и Объединенных Арабских Эмиратах. Анализ показал, что научная гипотеза о том, что чем существеннее роль исламских правовых традиций, тем меньше уголовно-правового регулирования в рассматриваемом аспекте, не находит подтверждения. Законы шариата отходят на второй план, когда речь идет о правовых ответах на актуальные вызовы современной криминологической обстановки.

Ключевые слова. Уголовное законодательство, подлоги, законы шариата, ислам, мусульманская правовая семья.

Традиционное мусульманское право, источниками которого являются Коран и Сунна, иджма, кийас и урф (Иванов, 2015: 297-303), реализуется в законах шариата, из которых выводятся правовые нормы (шариатский хукм). Мусульманскими правоведами разработаны правила, которые дают возможность модернизировать требования Всевышнего к человеческому поведению в исламском мире (Жаров, 2015: 29-32). Они исходят из того, в эпоху Пророка и непогрешимых имамов, орудия преступлений не были столь широко распространены, как сегодня. Но поскольку Ислам предназначен для всех периодов, то тщательно учитывая исламские ресурсы, можно найти

средства борьбы с современными общественно опасными деяниями (Sarikhani, Soltani, Musav, 2012: 1251-1257).

Здесь называется такое довольно сомнительное средство как «хийал» - рекомендации (уловки) исламских правоведов, находящих возможности обойти строгие предписания. К таким уловкам относились и явные нарушения шариатского хукма, например, лжесвидетельство (Бизюков, 2014: 31-54). Однако главным средством модернизации является концепция шариатской политики. Она исходит из того, что власть несет ответственность за претворение норм шариата и теоретически наделяется полномочиями вводить в действие нормы, которые не противоречат императивным предписаниям хукма (Сюкияйнен, 2008: 101). Иными словами, признается легитимным путь восприятия опыта иных правовых систем, более открытых к изменениям современного мира.

Первым из мусульманских государств на этот путь встал Египет, в котором рецепция европейского права началась еще в XIX веке в период Османской империи. В действующем Уголовном кодексе Республики Египет (далее УК Египта), принятом в 1937 г.³⁵, характеристика подлогов дается в книге второй, части 16, которая так и называется - «Подлог». Она включает 18 действующих статей. Ст. 206 предусматривает наказание в виде тяжких принудительных работ или тюремного заключения за подделку наиболее важных документов, к которым отнесены: республиканские указы, законы, постановления Правительства; государственной печати, печати или подписи Президента; печатей, штампов, штемпелей управлений Правительств, подписей государственных служащих, документов казначейства; золотых и серебряных клейм.

Служебный подлог характеризуется в ст.211 как совершение официальным лицом в процессе выполнения своих служебных обязанностей подделок судебных поручений, рапортов, журналов, регистрационных книг и других

³⁵ The Egyptian Penal Code. URL: sherloc.unodc.org/cld/document/egy/1937/criminal (дата обращения 08.04. 2024).

документов, включая подделку штампов и подписей, внесение фальшивых записей от чужого имени.

В ст.220 предусмотрено наказание в виде содержания под арестом на срок до двух лет за подделку проездных документов. В том случае, когда эти документы подделываются в террористических целях, то наказание назначается в виде тюремного заключения на срок до пяти лет.

Как видим, законодатель показывает пример учета цели подделки документов в качестве квалифицирующих обстоятельств.

В книге третьей, части шестой содержатся уголовно-правовые запреты, связанные с подлогами в сфере правосудия (ст. 294-301). Примечательна ст. 298, которая выделяет таких специальных субъектов преступления как врач, хирург, акушерка, а лжесвидетельство имеет отношение к беременности, инвалидности или смерти.

Модернизация уголовного законодательства Турции началась при Ататюрке. Она была элементом реформ Мустафы Кемаля, общий курс которых означал умеренный лаицизм (Сулейменов, 2015: 37-42). В Уголовном кодексе Турции (далее УК Турции), вступившим в силу в 2005 г.³⁶, подлогам посвящены две главы: третья «Подделка документов» и четвертая «Подделка удостоверений личности, свидетельств о рождении, паспортов, лицензий, сертификатов, свидетельств и деклараций». Служебный подлог раскрывается в нескольких статьях (303,304, 341, 353). Здесь можно отметить как недостатки уголовно-правового регулирования (в виде несовершенства юридической техники), так и некоторые достоинства, к которым, на наш взгляд, относятся строгость санкций и включение в диспозиции угрозы причинения неблагоприятных последствий.

Уголовно наказуемым является выдача чиновником документов, фальсифицирующих данные о личных качествах лица, представляя его с лучшей стороны или указывая на его бедность с целью создания для него возможностей завоевать симпатию, индивидуальное или общественное доверие,

³⁶ Уголовный кодекс Турции. СПб.: «Юридический центр Пресс», 2003. – 374 с.

приобрести выгоду или пользу, обеспечиваемую службой, должностью или законом, или освободить от некоторых услуг и повинностей (ст. 355).

По УК Турции наказуем и личностный подлог. Если лицо, не имея на то права, публично носит форму, относящуюся к какому-либо званию, должности или профессии, или ордена, или медали, оно наказывается заключением на срок от трех месяцев до одного года и штрафом в размере до двух тысяч лир (ст. 253).

Примером эффективной модернизации исламского права в рассматриваемом аспекте является уголовное законодательство Ирана. Следует отметить, что объявленный после исламской революции 1979 г. курс на «диалог цивилизаций» включал в себя формирование новой законодательной базы на основе норм континентального права (Паин, 2014: 118). Это, конечно, не означает отказ от Корана, Сунны и шариата, поскольку они закреплены как источники права в Конституции Исламской Республики Иран. Верность исламским установкам постоянно подчеркивается в этом основополагающем документе и выражается в построении властных структур и даже в наименованиях законодательных актов.

В Законе об исламских уголовных наказаниях Исламской Республики Иран 1991 г. (далее - УК Ирана)³⁷, в содержании которого присутствуют традиционные для мусульманского уголовного права членовредительские наказания (возмездие), а также вира, упоминаемая еще в Русской Правде, подлоги караются вполне современно – тюремным заключением на относительно определенный срок и штрафом в национальной валюте.

По УК Ирана предусмотрена ответственность за различные виды подлогов. Наиболее сурово (тюремным заключением на срок от трех до пятнадцати лет) карается изготовление и сознательное использование поддельных указов, письменных документов, подписи и печати духовного руководителя страны и любого из глав трех ветвей власти.

³⁷ Закон об исламских уголовных наказаниях Исламской Республики Иран. СПб: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2008. – 343 с.

В ст. 527 установлен запрет изготовления или сознательного использования поддельных документов, свидетельствующих об обучении, завершении обучения или аттестации в национальных и иностранных высших образовательных и научно-исследовательских учреждениях, а также сертификатов о получении квалификации в иностранных учебных заведениях. Такие действия влекут возмещение причиненного ущерба и тюремное заключение на срок от одного года до трех лет.

Как видим, иранский законодатель характеризует предмет подлога в довольно широких пределах, включая в них даже сертификаты о повышении квалификации. Такой ригористичный подход возможен только в рамках модели уголовно-правовой политики, которую идентифицируют как авторитарную (Пронников, 2008: 8). Ее иранскому варианту свойственно движение от архаики в сторону прогресса, поскольку формируется понимание связи предмета преступления с его объектом и субъектом.

В специальные составы выделены подделка или оказание содействия в подделке медицинского свидетельства с подписью врача либо выдача медицинского свидетельства врачом в целях освобождения какого-либо лица от государственной или военной службы (ст.538-539).

УК Ирана устанавливает ответственность за подлог личности. Наказуемым является участие одного лица под именем другого лица в любого рода учебных испытаниях и экзаменах, в том числе во вступительных экзаменах в высшие учебные заведения, училища, центры по подготовке педагогических кадров, или промежуточных и выпускных экзаменах в указанных учреждениях или конкурсах для учебных стажировок за границей, В ст. 556 и 557 предусмотрено наказание за публичное несанкционированное использование форменной одежды военнослужащих и работников правоохранительных органов Исламской Республики Иран, а также государственных наград и знаков отличия, как в их оригинальном виде, так и с незначительными изменениями, способными ввести в заблуждение. Это особенно важно для Ирана, поскольку такое формирование как Корпуса стражей исламской революции Ирана (КСИР)

обладает гигантскими полномочиями (от экспорта исламской революции до контроля за соблюдением норма шариата в частной жизни граждан Республики) и характеризуется как «государство в государстве» (Сажин, 2017: 83-109).

Полагаем, что в этих случаях иранский законодатель фиксирует реальную общественную опасность деяний, которая не получает должной оценки в уголовном законодательстве других государств.

Наиболее консервативно уголовное законодательство арабских государств Персидского залива. Однако и в них происходят процессы реагирования на вызовы современной криминологической обстановки, обусловленной проникновением научно-технического прогресса в различные сферы жизни населения любой страны. Так в Объединенных Арабских Эмиратах (ОАЭ) в 2018 принят Уголовный кодекс, который с точки зрения регулирования современных конфликтов, ни в чем не уступает европейским кодифицированным актам. Что касается подлогов, то в УК ОАЭ о них говорится в целом ряде статей (211- 2018). Приговор к тюремному заключению на срок до пяти лет грозит любому врачу или акушерке, который выдает заведомо ложную справку или заключение относительно случая беременности, рождения, болезни, уродства, смерти или других случаев, связанных с его профессией, даже если это деяние имело место в результате просьбы, рекомендации или ходатайства (ст. 219). Тюремное заключение на срок до двух лет назначается любому, кто в делах, касающихся разбирательств о смерти, наследовании или завещании перед компетентным органом, выдающим доктринальное свидетельство, подтвердит ложные утверждения о фактах, необходимых для доказывания, хотя он не знает об их истинности или знает, что они не соответствуют действительности, если уведомление о сертификате выдается на основании таких заявлений (ст. 220). Задержание на срок до одного года или максимальный штраф в размере десяти тысяч дирхамов назначается тому, кто публично и необоснованно носит официальную одежду, предназначенную законом исключительно для определенной категории людей, любому, кто носит униформу рангом выше, чем его, и тот, кто носит медаль,

ленту, значок или знак должности, или принимает какое-либо из официально признанных научных или университетских званий, или какие-либо воинские звания или общественные парламентские должности. Данное положение применяется также в случае, если мундир, медаль и т.п. принадлежат иностранному государству (ст. 251).

УК ОАЭ постоянно дополняется нормами, отвечающими на современные вызовы. В 2021 г. принят Федеральный Закон № 34 от 2021 года о борьбе со слухами и киберпреступностью. Закон направлен на защиту правительственных веб-сайтов и баз данных ОАЭ, противодействие распространению слухов и фейковых новостей, на защиту от электронного мошенничества и сохранение конфиденциальности и личных прав. Он нацелен на борьбу с созданием или модификацией роботов для распространения ложных данных, фальсификацией электронных документов, подделкой медицинских данных, банковских счетов и конфиденциальных кодов, созданием незаконного контента и отказом от его удаления, сбором средств без лицензии, ложной рекламой и другими общественно опасными проявлениями в информационной среде³⁸. За эти преступления физические и юридические лица ждет наказание в виде штрафа от 50 до 200 тысяч дирхамов и / или тюремное заключение. Правонарушитель может быть лишен свободы на срок не менее двух лет, если он использует сам или позволяет другим использовать поддельные веб-сайты, онлайн-аккаунты или электронную почту для причинения вреда жертве. Для юридических лиц наказание за такое преступление составляет от 200 тысяч до 2 млн дирхамов штрафа и тюремное заключение на срок до пяти лет.

Таким образом, в сфере уголовной ответственности за подлоги в странах исламского мира наблюдается процесс модернизации. Главным путем такой модернизации является рецепция европейского права. Однако, в некоторых аспектах исламский законодатель проявляет примеры творчества

³⁸ Federal Decree-Law No. (34) of 2021 On Countering Rumors and Cybercrimes. URL: u.ae/en/information-and-services/justice-safety (Дата обращения. 25.05.2024).

при формулировании уголовно-правовых запретов, в частности, противодействию личностным подлогам и распространению фейков.

Библиографический список

1. Adel Sarikhani, Nur Allah Soltani, Seyyed Mohammad Musavi. Money laundering in the Criminal Policy of Islam International // Research Journal of Applied and Basic Sciences. 2012. Vol., 3 (6), P. 1251-1257.

2. *Бизюков С. Н.* Юридические уловки в исламском праве: путь от Средневековья до XXI века // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 3. С. 31–54.

3. *Жаров С. Н., Кадири М. К.* вопросу об источниках исламского права. // Вестник Челябинского государственного университета. 2015 № 15. С. 29-32.

4. *Иванов Ю. А.* Мусульманское право: вопросы уголовной юстиции // Судебная власть и уголовный процесс. 2015. № 4. С. 297-303.

5. *Сажин В. И.* Корпус стражей исламской революции Ирана – государство в государстве // Контуры легальных трансформаций. 2017 № 3. С. 83-109.

6. *Сулейманов А. В.* Политическая идеология Атаюрка // Вестник Пермского университета. Политология. 2015. № 2. С. 37-45.

7. *Сюкияйнен Р. Л.* Исламское право в правовых системах мусульманских стран: от доктрины к законодательству // Право Журнал Высшей школы экономики. 2008. № 2. С. 97-109.

8. *Паин Э. И.* Социокультурный капитал в стратегиях управляемой модернизации: сравнительный анализ иранской и турецкой моделей // Terra Economics/ 2014. № 3. С. 119-130.

9. *Пронников А. В.* Уголовно-правовая политика в сфере противодействия экономической преступности. Автореф. дис. ... канд. юрид наук. Омск, 2008. - 26 с.

Balandin A. Leonid
lawyer, Chamber of Lawyers of the Omsk Region
Omsk, Russia
e-mail: alexbalomsk@gmail.com

FORGES UNDER CRIMINAL LEGISLATION COUNTRIES OF THE MUSLIM LEGAL FAMILY

Abstract: The article analyzes the criminal legislation on forgery in four countries of the Muslim legal family: Egypt, Turkey, Iran and the United Arab Emirates. The analysis showed that the scientific hypothesis that the more significant the role of Islamic legal traditions, the less criminal legal regulation in this aspect, is not confirmed. Sharia law fades into the background when it comes to legal responses to current challenges of the modern criminological situation.

Keywords. Criminal law, forgery, Sharia laws, Islam, Muslim legal family.

Брюханова Алёна Дмитриевна

Аспирант

кафедры уголовного права имени М.И. Ковалева

Уральского государственного юридического университета

имени В.Ф. Яковлева

Екатеринбург, Россия

e-mail: brukhanova.aliona@yandex.ru

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ: ЮРИСТ, АДВОКАТ, ЗАЩИТНИК, ПРЕДСТАВИТЕЛЬ, БЛИЗКИЙ РОДСТВЕННИК И ИНОЕ ЛИЦО

Аннотация: Настоящая статья посвящена рассмотрению проблемы соотношения понятий «адвокат» и «защитник». Автор анализирует круг лиц, которые могут выступать в качестве защитников: представитель, близкие родственники и «иные» лица. В заключении автор приходит к выводу, что понятия адвокат и защитник различны. Тема статьи анализируется и рассматривается автором с целью выявления наличия либо отсутствия необходимости закрепления, уточнения (конкретизации) в уголовно-процессуальном законе дефиниций «представитель», «близкие родственники» и «иное лицо».

Ключевые слова: адвокат, защитник, близкий родственник, представитель, юрист, иное лицо.

Деятельность адвокатуры в Российской Федерации направлена на оказание квалифицированной юридической помощи гражданам. Согласно статье 3 Федерального закона от 31.05.2002г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»³⁹ (далее по тексту – ФЗ «Об адвокатской

³⁹ Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации. Федер. закон Рос. Федерации от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации, № 23, 10.06.2002, ст.2102.

деятельности и адвокатуры в РФ», адвокатура является профессиональным сообществом адвокатов..», а в соответствии со статьей 1 вышеуказанного федерального закона, «адвокатской деятельностью является квалифицированная юридическая помощь, оказываемая на профессиональной основе лицами, получившими статус адвоката в порядке, установленном данным федеральным законом, физическим и юридическим лицам в целях защиты их прав, свобод и интересов, а также обеспечения доступа к правосудию». Законодатель не случайно указал на то, что помощь должна быть квалифицированной, то есть оказываться лицами с соответствующим уровнем теоретических и практических знаний. В этой связи ещё больший интерес представляет соотношение таких понятий как «юрист», «адвокат», «защитник» и «представитель», а также изучение дефиниции понятия «близкий родственник» и «иное лицо».

Полагаю, что необходимо начать с дефиниции понятия юрист. В настоящее время в законодательстве Российской Федерации отсутствует легально закреплённая дефиниция данного понятия. Поэтому чтобы сформировать представление, что же подразумевает под собой данная дефиниция, обратимся к словарям. Так, в Толковом словаре русского языка, «Юрист - это человек, занимающийся (научно или практически) юридическими вопросами» (Ушаков, 1940).

В Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова, «Юрист - это специалист по правоведению, юридическим наукам; практический деятель в области права» (Евгеньева, 1999).

Таким образом, на основании вышеизложенных понятий, делается вывод, что **юрист** – это специалист, обладающий глубокими познаниями в области права, который обладает достаточной компетенцией по исследованию, интерпретации и применению нормативно-правовых актов, а также оказывает консультации и осуществляет представительство по юридическим вопросам для физических или юридических лиц.

Переходя к исследованию соотношения понятий «адвокат», «защитник» и «представитель», в начале хотелось бы представить соотношение понятий «адвокат», «защитник», «представитель», «близкий родственник» и «иное лицо» на кругах Эйлера.

Рисунок 1 – Схема соотношения понятий в виде кругов Эйлера⁴⁰.

Из данной схемы видно, что общей является категория «представитель», поскольку каждое из названных лиц представляет чьи либо интересы; «адвокат» всегда является юристом, поскольку имеет высшее юридическое образование, данное положение о высшем юридическом образовании в настоящее время актуализировалось в связи с принятием Государственной думой РФ 10.04.2024 года в третьем чтении Законопроекта № 301952-8 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (в части уточнения требований, предъявляемых к кандидатам в адвокаты, и совершенствованию отдельных институтов адвокатуры)⁴¹, поэтому «адвокат» находится в отношении понятия «юрист» в подчинении; «защитник» находится по отношению к понятию «юрист» и «адвокат» в отношении пересечения, поскольку защитник может не иметь высшего юридического образования и не являться адвокатом; в

⁴⁰ Составлена автором.

⁴¹ Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» (СОЗД ГАС «Законотворчество»). Официальный сайт. [Режим доступа]: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/301952-8>

отношении подчинения с понятием «защитник» находится понятие «близкий родственник» и «иное лицо», поскольку дефиниция «защитник» относится к деятельности любого лица, занимающегося защитой или представительством чьих-либо интересов. Например, А. Д. Прошляков, В. С. Балакшин, Ю. В. Козубенко отмечают, что «защитником может быть любое совершеннолетнее дееспособное лицо, согласившееся выполнять обязанности защитника и реально могущее их исполнять (не находится под стражей, не отбывает наказание в виде лишения свободы и т.д.)» (Прошляков, Балакшин, Козубенко, 2011:188).

Итак, перейдем непосредственно к соотношению понятий «адвокат» и «защитник».

Начнем анализ данных понятий с толковых словарей современного русского литературного языка, в них понятия «адвокат» и «защитник» являются синонимами. Согласно словарю русского языка С.И. Ожегова «адвокат - юрист, которому поручается оказание юридической помощи гражданам и организациям, в том числе защита чьих-нибудь интересов в суде, защитник. Защитник - то же, что адвокат» (Ожегов, 2012).

«Адвокат - юрист, оказывающий правовую помощь физическим и юридическим лицам, а также защиту подозреваемого и обвиняемого».

Однако, анализируя значение слов «адвокат» и «защитник» в толковых словарях современного русского литературного языка, следует, что понятие «адвокат» по сфере употребления уже чем «защитник», поскольку охватывает только деятельность профессиональных юристов. «Защитник» же относится к деятельности любого лица, занимающегося защитой или представительством чьих-либо интересов.

Каково же соотношение понятий «адвокат» и «защитник» на законодательном уровне? Защитник, кто он: юрист, адвокат, близкий родственник?

Взглянем на рассматриваемое соотношение понятий с точки зрения законодательства.

Согласно п. 1 ст. 2 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», «адвокатом является лицо, получившее в установленном данным федеральным законом порядке статус адвоката и право осуществлять адвокатскую деятельность».

В ч. 1 ст. 49 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации⁴² (далее по тексту - УПК РФ) сформулировано понятие «защитник». Так, «Защитник - лицо, осуществляющее в установленном данным Кодексом порядке защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых и оказывающее им юридическую помощь при производстве по уголовному делу». В ч. 2 ст. 49 УПК РФ, сказано, что «в качестве защитников участвуют адвокаты».

В соответствии с п. 5 ст. 2 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», «оказывая юридическую помощь, адвокат участвует в качестве представителя или защитника доверителя в уголовном судопроизводстве и производстве по делам об административных правонарушениях».

Таким образом, если исходить из буквального толкования нормы права, то понятие «адвокат» по сфере употребления шире понятия «защитник», поскольку адвокат может выступать не только в качестве защитника, но и в качестве представителя. С точки зрения грамматического толкования, если законодатель с помощью легальной дефиниции определил значение понятия, то именно в этом смысле данное понятие и следует употреблять. В данном случае законодателем четко определены значение и соотношение понятий «адвокат» и «защитник», четко обозначено, что по сфере употребления понятие «адвокат» шире понятия «защитник».

Соглашаясь с позицией, что понятие «адвокат» шире понятия «защитник» автором отмечается, что в ст. 48 Конституции Российской Федерации слово «защитник» стоит в круглых скобках за словом «адвокат», а, следовательно, уточняет его, ч. 2 ст. 48 Конституции Российской Федерации, «каждый

⁴² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001г. № 174-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 24.12.2001г., № 52, ст. 4921.

задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения».

Какие ещё обстоятельства в действующем законодательстве указывают на то, что понятия «адвокат» и «защитник» не являются синонимами?

Так, из определения, данного в ст. 49 УПК РФ, делается вывод, что защитник выступает только как участник стороны защиты. Оговорим, что в качестве защитников участвуют адвокаты, близкие родственники обвиняемого или иное лицо, о допуске которого ходатайствует обвиняемый. В соответствии с ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», адвокат также может выступать в качестве представителя потерпевшего, гражданского истца и частного обвинителя, то есть адвокат может выступать как на стороне защиты, так и на стороне обвинения.

Ещё одним обстоятельством является то, что «адвокат» в роли защитника пользуется полномочиями, предоставленными ему ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» и УПК РФ, «защитник» пользуется только полномочиями, предоставленными ему УПК РФ. В качестве примера, адвокат вправе направлять адвокатский запрос, а защитник таким правом не обладает.

В качестве ещё одного обстоятельства, например, за разглашение данных предварительного расследования защитник несет уголовную ответственность. Указанная норма также распространяется и на адвоката, осуществляющего защиту по уголовному делу, однако помимо этого адвокат может быть привлечен к дисциплинарной ответственности за нарушение требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката, совершенное умышленно или по грубой неосторожности.

Таким образом, на основании анализа норм действующего законодательства можно сделать вывод о том, что понятия «адвокат» и «защитник» не являются синонимами. Подытоживая данный вопрос, можно

сказать, что основой для формулирования данного вывода служат следующие обстоятельства:

1) различный объем прав и обязанностей;

2) в роли защитника могут выступать лица, как обладающие, так и не обладающие статусом адвоката, а адвокат является независимым профессиональным советником по правовым вопросам и может выступать в роли защитника, представителя потерпевшего, гражданского истца и частного обвинителя;

3) адвокат может быть привлечен к уголовной и дисциплинарной ответственности, на защитника нормы о дисциплинарной ответственности не распространяются.

4) в контексте принятого в 3-м чтении Государственной думой РФ Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», которым повышаются требования к уровню образования претендентов на получение статуса адвоката. Претендовать на получение статуса адвоката смогут лица, имеющие высшее юридическое образование одновременно по направлению подготовки «Юриспруденция» квалификации «магистр» и диплом бакалавра по направлениям подготовки «Юриспруденция» или «Обеспечение законности и правопорядка».

Анализируя дефиниции «адвокат» и «защитник», которые сформулированы на законодательном уровне, автором указывалось на то, что согласно нормам действующего законодательства оказывая юридическую помощь, адвокат участвует в качестве представителя или защитника доверителя, однако в настоящее время отсутствуют какие-либо указания на то, что следует подразумевать под понятием «представитель» в уголовно-правовом законодательстве.

Автором ставится вопрос о необходимости выведения и закрепления дефиниции понятия «представитель» в уголовно-процессуальном законодательстве? В то же время здесь справедливо будет отметить, что для

понятия, сформулированного в законе, важна его научная и практическая значимость, точность и однозначное понимание, отсутствие противоречий и несоответствий с содержанием соотносящихся с ним правовых норм.

Анализируя содержание понятия «представитель», в первую очередь обратимся к семантическому толкованию слова представитель, под которым подразумевается: «лицо, которое действует по чьему-нибудь поручению, выражает чьи-нибудь интересы, взгляды». При этом «представлять» означает «действовать по чьему-либо поручению, быть чьим-нибудь представителем».

Институт представительства подробно описан в статьях Гражданского кодекса Российской Федерации⁴³. В связи с этим, когда речь заходит о «представителе», нередко возникают ассоциации с гражданским правом или арбитражем. Вместе с тем, адвокат в уголовном процессе может участвовать и в качестве представителя потерпевшего, гражданского истца, частного обвинителя (ч. 1 ст. 45 УПК РФ), гражданского ответчика (ст. 55 УПК РФ), свидетеля (п.6 ч. 4 ст. 56 УПК РФ). При этом адвокат, представляющий интересы свидетеля, приглашается им для оказания юридической помощи (ч. 5 ст. 189 УПК РФ). Помимо адвокатов к группе субъектов, вступающих в правоотношения в сфере представительства интересов доверителя, относятся: законные представители несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, потерпевшего (ст. ст. 48, 426, 191 УПК РФ), близкие родственники либо лицо, о допуске которого ходатайствует потерпевший, гражданский истец или гражданский ответчик (ст. ст. 45, 55 УПК РФ), прокурор (ч. 3 ст. 44 УПК РФ).

На основании вышеизложенного, ставя вопрос о необходимости выведения и закрепления дефиниции понятия «представитель» в уголовно-процессуальном законодательстве, следует согласиться с М.А. Карпушовым, который предлагает понимать под представителем в уголовном судопроизводстве - «лицо, осуществляющее в установленном уголовно-

⁴³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 декабря 1994 г. № 32 ст. 3301.

процессуальном законе порядке деятельность, направленную на обеспечение прав и законных интересов определенного в уголовно-процессуальном законе круга доверителей, содержание которых определяется их процессуальным статусом» (Карпушов, 2016:127-129).

В ходе рассмотрения в настоящей статье понятий «адвокат», «защитник», «представитель», автором не раз упоминалось положение ч. 2 ст. 49 УПК РФ, согласно которому «по определению или постановлению суда в качестве защитника могут быть допущены наряду с адвокатом один из близких родственников обвиняемого или иное лицо, о допуске которого ходатайствует обвиняемый». В законодательстве не определена дефиниция понятия «иное лицо», более того как отмечает А.С. Дежнёв, «законодатель не очень щедр на участие иных лиц, кроме адвоката, так как допускаются только одно иное лицо, которое участвует наряду с адвокатом» (Дежнёв, 2012:257-265).

Вернемся к понятию «близкие родственники», так согласно статье 14 Семейного кодекса Российской Федерации⁴⁴ (далее по тексту - СК РФ), под близкими родственниками понимаются, «(родственники по прямой восходящей и нисходящей линии (родители и дети, дедушки, бабушки и внуки), полнородные и неполнородные (имеющие общих отца или мать) братья и сестры)».

Однако, УПК РФ в п. 4 ст. 5 дает другое, несколько расширительное определение понятия «близкие родственники», так под близкими родственниками понимаются - «супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и родные сестры, дедушка, бабушка, внуки». Верно ли то, что УПК РФ относит к близким родственникам супруга, супругу?

Анализируя дефиниции понятия «близкие родственники», изложенного в СК РФ и УПК РФ, автором всё же думается, что необходимо различать отношения родства и супружества, поскольку от правильного и точного определения круга лиц зависит единообразное применение закона и

⁴⁴ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995г. № 223-ФЗ// «Собрание законодательства РФ», 1996г., № 1, ст. 16).

достижение целей им преследуемых. Так из буквального значения следует рассматриваемого понятия «близкие родственники», близкое родство, родственник, корень «род» является синонимом кровной связи между людьми» (Берова, 2017:19-22). В этой связи думается что, уголовно - процессуальное содержание термина «близкие родственники» создает сложности для правоприменителя в силу отсутствия унификации формулировки.

Подводя итоги всему вышеизложенному, хотелось бы привести слова Е.А. Водяник, которая отмечала, что «возможность участия в качестве защитников наряду с адвокатом близких родственников или иных лиц преследует цель усиления позиции защиты» (Водяник, 2012).

В этой связи необходимо оговорить, насколько является актуальным положение закрепленное в п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 29 о том, что «при разрешении ходатайства обвиняемого, заявленного в соответствии с ч. 2 ст. 49 УПК РФ о допуске одного из близких родственников или иного лица в качестве защитника, суду следует не только проверять отсутствие обстоятельств, указанных в ст. 72 УПК РФ, но и учитывать характер, особенности обвинения, а также согласие и возможность данного лица осуществлять в установленном законом порядке защиту прав и интересов обвиняемого и оказывать ему юридическую помощь при производстве по делу»⁴⁵. Данное положение подтверждает также и Конституционный Суд РФ (Попов, Ментюкова, 2019:234).

В заключении ещё раз отметим, что понятия «адвокат» и «защитник» не являются синонимами, так понятие «адвокат» по сфере употребления шире понятия «защитник».

Представляется необходимым:

⁴⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» // Российская газета, № 150, 10.07.2015.

- 1) законодательно определиться с единым, общеотраслевым содержанием термина «близкие родственники», а именно из круга лиц, отнесенных к близким родственникам п. 4 ст. 5 УПК РФ исключить супругов;
- 2) в правовых нормах УПК РФ супружеские отношения учитывать самостоятельно;
- 3) в понятийно-категориальном аппарате уголовно-процессуального законодательства закрепить дефиницию понятия «представитель» и очертить круг «иных» лиц (не адвокатов), о допуске которых в качестве защитника может ходатайствовать обвиняемый.

Эти изменения повысят гарантии реализации конституционных прав граждан на получение квалифицированной юридической помощи. Поскольку от правильного и точного формирования понятийно-категориального аппарата зависит единообразное применение закона и достижение целей им преследуемых.

Библиографический список

1. *Берова Д. М.* «Являются ли супруги близкими родственниками (об отношениях родства и супружества в уголовном процессе: терминологические проблемы)» // Пробелы в российском законодательстве. 2017. №3. С.19-22.
2. *Водяник Е. А.* «Возможность участия в уголовном процессе в качестве защитника «иных лиц» // Адвокат. 2012. № 12.
3. *Дежнёв А. С.* «Привлечение в качестве защитников по уголовным делам близких родственников и иных лиц» // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2012. №3 (32). С. 257-265.
4. *Карпушов М. А.* О соотношении понятий «Представительство» и «Защита» в российском уголовном судопроизводстве // Вестник Московского университета МВД России. 2016. №2. С. 127-129.
5. *Попов А. М., Ментюкова М. А.* «Защитник, кто он: адвокат, юрист, близкий родственник?» // Вестник экономической безопасности. 2019г. №3. С.228-234.

6. Прошляков А. Д. Уголовный процесс: учебник / А. Д. Прошляков, В. С. Балакшин, Ю. В. Козубенко. – М.: ВолтерсКлувер, 2011. – 1056 с.
7. Толковый словарь русского языка / под редакцией Д. Н. Ушакова. 1940.
8. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. — 4-е изд., стер. — М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.
9. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов; под ред. Л.И. Скворцов. - М.: ОНИКС-ЛИТ, Мир и Образование, 2012. - 1376 с.

Bryukhanova D. Alena

Postgraduate student,

Department of Criminal Law named after. M.I. Kovalev

Ural State Law University

named after V.F. Yakovlev

Yekaterinburg, Russia

e-mail: brukhanova.aliona@yandex.ru

RELATIONSHIP OF THE CONCEPTS: LAWYER, ADVOCATE, DEFENSE, REPRESENTATIVE, CLOSE RELATIVE AND OTHER PERSON

Abstract: This article is devoted to considering the problem of the relationship between the concepts of «lawyer» and «defender». The author analyzes the circle of persons who can act as defenders: a representative, close relatives and «other» persons. In conclusion, the author comes to the conclusion that the concepts of lawyer and defender are different. The topic of the article is analyzed and considered by the author in order to identify the presence or absence of the need to consolidate, clarify (concretize) the definitions of «representative», «close relatives» and «other person» in the criminal procedural law.

Keywords: advocate, defender, close relative, representative. lawyer, other person.

Забродина Валерия Витальевна

преподаватель кафедры уголовного права

имени М.И. Ковалева

УрГЮУ имени В.Ф. Яковлева

Екатеринбург, Россия

e-mail: leran.00@mail.ru

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ВОВЛЕЧЕНИЕ» И «СКЛОНЕНИЕ» В ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ СЕМЬИ И НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Аннотация: В статье на примере преступлений против семьи и несовершеннолетних рассматривается вопрос соотношения двух уголовно-правовых понятий: склонение и вовлечение. В теории и правоприменительной практике отсутствует точное разъяснение относительно содержания каждого из рассматриваемых понятий, в связи с чем, в статье проводится анализ имеющихся точек зрения теоретиков по данному вопросу, приводятся примеры из судебной практики и делается вывод относительно соотношения дефиниций вовлечения и склонения и необходимости исключения из диспозиции ст. 151.2 УК РФ такого термина, как склонение.

Ключевые слова: преступление, склонение, вовлечение, несовершеннолетний, уголовный кодекс.

В науке уголовного права и правоприменительной практике немаловажную роль играет понятийно-категориальный аппарат. В Уголовном кодексе Российской Федерации законодателем порой используются термины, которым не дается официального толкования высшим судебным органом, что приводит к различного рода проблемам, возникающих при квалификации уголовно-правовых деяний. Так, законодатель при описании некоторых

преступных действий использует такие термины, как «вовлечение» и «склонение».

Термин «вовлечение» в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации встречается 12 раз (ст. 150, 151, 151.2, 205, 205.1, 212, 240, 242, 281.1, 282.1, 282.2, 361 УК РФ), «склонение» также встречается 12 раз (110.1, 151.2, 184, 205, 205.1, 212, 230, 230.1, 281.1, 282.1, 282.2, 361 УК РФ)⁴⁶. При этом, перечень статей не является идентичным, но, проанализировав диспозиции вышеуказанных статей, можно сделать вывод о том, что законодатель в эти два понятия вкладывает разный смысл применительно к конкретной уголовно-правовой норме.

В преступлениях против семьи и несовершеннолетних до введения в действие новой статьи (151.2 УК РФ) использовался лишь термин «вовлечение». При этом, Верховным судом РФ еще в 2011 году было дано разъяснение относительно содержания данного понятия. Так, под вовлечением (в ст. 150 и 151 УК РФ) высший судебный орган понимает «действия взрослого лица, направленные на возбуждение желания совершить преступление или антиобщественные действия»⁴⁷. При описании преступного деяния в диспозиции ст. 151.2 УК РФ законодателем наряду с вовлечением используется также термин и склонение, при этом отграничение ст. 150, 151 и 151.2 УК РФ проводится лишь по действиям, в которые вовлекается несовершеннолетнее лицо, в ст. 150 УК РФ – это преступления, в ст. 151 УК РФ – это антиобщественные действия, а в ст. 151.2 УК РФ – действия, представляющие опасность для жизни несовершеннолетнего. В связи с этим, следует разобраться какую цель преследовал законодатель при описании диспозиций

⁴⁶ «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // «Собрание законодательства РФ», 17.06.1996, № 25, ст. 2954.

⁴⁷ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // «Бюллетень Верховного Суда РФ», № 4, апрель, 2011.

вышеуказанных норм, анализируя позиции правоведов, а также судебную практику по данным преступлениям.

Как следует из диспозиции ст. 151.2 УК РФ вовлечение является родовым понятием по отношению к склонению, об этом свидетельствует формулировка статьи: «склонение или иное вовлечение...». При этом, в действующем постановлении Пленума Верховного суда РФ отсутствуют разъяснения о том, какие признаки отличают склонение от вовлечения. Несмотря на то, что рассматриваемые понятийные категории используются уголовным законодательством РФ достаточно давно, в доктрине уголовного права встречаются различные точки зрения по поводу разграничения рассматриваемых понятий.

Обращаясь к толковому словарю С.И. Ожегова следует определить этимологическое значение слов «склонить» и «вовлечь». Склонить – убедить в необходимости какого-нибудь поступка, решения. Вовлечь – побудить, привлечь к участию в чем-нибудь⁴⁸. В толковом словаре В.И. Даля термин вовлечь означает склонить к чему-либо⁴⁹. Таким образом, в русском языке рассматриваемые дефиниции являются синонимами и исходя из определяемых в толковых словарях значений слов, склонение является частным случаем вовлечения.

При этом теория уголовного права в этом вопросе разнится, так, Т.Н. Нагаева полагает, что термин «склонение» используется для обозначения действий, побуждающих к совершению уголовно наказуемых деяний, в совершении которых сам склоняющий участия не принимает (Нагаева, 2011: 100). Такой подход вряд ли можно считать обоснованным, поскольку в ст. 150 УК РФ нет указания на склонение, при этом вовлечение полностью включает в себя и те случаи, когда вовлекающий не принимает участия в преступлении,

⁴⁸ Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеол. выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова [Электронный ресурс] // URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov> (дата обращения: 30.04.2024)

⁴⁹ Даль Владимир Иванович. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля [Электронный ресурс] // URL: <https://gufo.me/dict/dal> (дата обращения: 30.04.2024)

совершаемым несовершеннолетним. Н.Н. Бугера, рассматривая данный спорный вопрос, предлагает под вовлечением понимать умышленные действия лица, направленные на фактическое совершение вовлекаемых лицом преступления, а под склонением умышленные действия лица, направленные на возбуждение желания участвовать в совершении преступления (Бугера, 2014: 39).

Некоторые ученые проводят отграничение исключительно по моменту окончания таких действий и предлагают использовать понятие склонение только лишь в формальных составах преступления, где для юридического момента окончания преступления не требуется наступления последствий (Соловьев, 2015:220). Так, по смыслу п. 42 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 1 моментом окончания преступлений, предусмотренных ст. 150, 151 УК РФ является «совершение несовершеннолетним преступления, приготовления к преступлению, покушения на преступление или после совершения хотя бы одного из антиобщественных действий»⁵⁰. Момент окончания склонения по смыслу ст. 151.2 УК РФ высший судебный орган не раскрывает, но, если обращаться к иным составам преступления, где одним из деяний является склонение к тем или иным действиям, можно заметить, что склонение считается оконченным независимо от того удалось или нет лицу совершить те действия, к которым его склоняли. Данный вывод, в том числе следует из разъяснений высшего судебного органа при определении момента окончания преступления, предусмотренного ст. 230 УК РФ (склонение к потреблению наркотических средств), которое считается оконченным с момента выполнения всех действий независимо от того употребило ли склоняемое лицо наркотическое средство или нет⁵¹. Но данный подход не

⁵⁰ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // «Бюллетень Верховного Суда РФ», № 4, апрель, 2011.

⁵¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 (ред. от 16.05.2017) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами,

разрешает проблемы относительно содержания рассматриваемых понятий, поскольку ст. 151.2 УК РФ предусматривает оба данных деяния в качестве альтернативных действий, то есть правоприменительному органу необходимо в каждом конкретном случае определять какие действия необходимо отнести к вовлечению, а какие к склонению. Еще одним аргументом против данного подхода является и тот факт, что в ранее действующем постановлении Пленума Верховного суда РФ момент окончания вовлечения был иной, а именно вовлечение считалось оконченным независимо от того совершил несовершеннолетний преступления или иные антиобщественные действия или нет⁵². Более того, действующие разъяснения Верховного суда РФ не содержат отличного от вовлечения момента окончания склонения, правоприменительная практика и теория уголовного права исходят из того, что ст. 151.2 УК РФ является материальным составом преступления для обоих альтернативных деяний, указанных в диспозиции уголовно-правовой нормы. Кроме того, ст. 150, ст. 151 УК РФ являются наиболее тяжкими преступлениями в сравнении со ст. 151.2 УК РФ, при этом диспозиции указанных норм не предусматривают такого деяния, как склонение, не указывается на это и в названии ст. 151.2 УК РФ, что также ставит под сомнение вышеуказанный подход относительно разграничения содержания указанных действий по моменту окончания преступления, так как в этом случае действия по склонению являются наиболее общественно опасными, в связи с тем, что сторонники такой позиции полагают склонение считать оконченным независимо от совершения несовершеннолетним противоправных действий.

М.Г. Левандовская разграничивает понятие «склонение» и «вовлечение», понимая под последним действия, направленные на непосредственное

психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // «Бюллетень Верховного Суда РФ», № 8, август, 2006.

⁵² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.02.2000 № 7 (ред. от 06.02.2007) «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» // «Бюллетень Верховного Суда РФ», № 4, 2000.

совершение вовлекаемым определенных действий, а при склонении у несовершеннолетнего имеется выбор альтернативных действий, совершение которых охватывается общей идеей склоняющего (Левандовская, 2018:170). Между тем, представляется, что данный подход не решает проблемы разграничения содержания рассматриваемых дефиниций, поскольку в этом случае склонение лишь является частным случаем вовлечения несовершеннолетнего в противоправные действия, представляющего опасность для его жизни.

О.В. Поликашина под склонением по смыслу ст. 151.2 УК РФ предлагает понимать «любые действия взрослого лица, направленные на возбуждение желания подростка перебежать дорогу перед движущимся транспортом, ездить между вагонами, проникать на крыши домов и совершать иные действия, которые опасны для жизни» (Поликашина, 2017:192). Между тем, предлагаемое автором понятие полностью дублирует разъяснение высшего судебного органа относительно содержания термина «вовлечение», что по сути приводит к тому, что данные термины являются синонимами, а данный подход вызывает определенные сомнения относительно целесообразности включения понятия «склонение» в диспозицию ст. 151.2 УК РФ, с учетом того обстоятельства, что современное уголовное законодательство не допускает использование синонимов при конструировании уголовно-правовых норм. При этом в науке уголовного права остаются актуальными точки зрения о том, что рассматриваемые понятия являются синонимами и между ними можно поставить знак равенства (Клименко, 2007:83). В.М. Лебедев как под склонением, так и под иным вовлечением понимает действия взрослого, направленные на возбуждение желания у несовершеннолетнего совершить конкретные действия (Лебедев, 2024:159). В связи с этим некоторые авторы предлагают исключить из диспозиции ст. 151.2 УК РФ термин «склонение» в виду того, что вовлечение полностью охватывает в себе и действия по склонению лица к совершению действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего, а, следовательно, употребление в диспозиции ст.

151.2 УК РФ двух этих терминов является избыточным (Сирик, Лоба, Мокшин, 2020:105).

В подтверждение вышеуказанной точки зрения можно обратиться к постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1, в соответствии с которым высший судебный орган при рассмотрении уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 205.1 УК РФ ставит знак равенства между такими терминами, как склонение, вербовка и вовлечение⁵³. Обращаясь к правоприменительной практике по преступлениям, предусмотренных ст. 150, 151 УК РФ можно прийти к выводу о том, что судебные органы также не разграничивают рассматриваемые понятия и, устанавливая признаки вовлечения при описании преступных действий, используют термин склонение. Это подтверждается определением Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 05.05.2022 № 77-1551/2022, апелляционным постановлением Челябинского областного суда от 17.10.2019 по делу № 10-5557/2019, где при описании преступного деяния вовлечения в совершение преступления несовершеннолетнего в ст. 150 УК РФ суды определяют содержание таких действий через термин «склонение». Так, при описании вовлечения несовершеннолетнего в совершении кражи суд указал: «С. путем уговоров и обещания денежного вознаграждения, разжигая у них корыстный интерес, склонил их к совершению кражи какого-либо автомобиля...»⁵⁴. Аналогичным образом описывается деяние и в оправдательном судебном акте, где суд указал: «Выводы суда о том, что П. своими активными действиями, выразившимися в обещании материальных ценностей, являясь для него авторитетом и имея влияние, как старший по возрасту, склонил к совершению кражи, следует признать необоснованными»⁵⁵.

⁵³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // «Бюллетень Верховного Суда РФ», № 4, апрель, 2012.

⁵⁴ Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 05.05.2022 № 77-1551/2022 // СПС «Консультант Плюс».

⁵⁵ Апелляционное постановление Челябинского областного суда от 17.10.2019 по делу № 10-5557/2019 // СПС «Консультант Плюс».

Таким образом, в настоящий момент в отсутствии соответствующих разъяснений Верховного суда РФ во избежание проблем у правоприменительных органов при установлении обязательных признаков ст. 151.2 УК РФ необходимо исключить из диспозиции статьи указание на такой термин, как «склонение», поскольку термин «вовлечение» полностью охватывает все действия, направленные на возбуждение желания у несовершеннолетнего совершить противоправные действия, представляющие опасность для его жизни.

Библиографический список

1. *Бугера Н. Н.* Соотношение понятий «Вовлечение» и «Склонение» в уголовном праве России // *Юридическая наука и правоохранительная практика.* 2014. №3 (29).

2. *Клименко Т. М.* Склонение к незаконному потреблению наркотиков как один из видов наркобизнеса / Т. М. Клименко // *Вестник Владимирского юридического института.* – 2007. – № 3(4). – С. 82-84.

3. *Комментарий к Уголовному кодексу РФ в 4 т. Том 2. Особенная часть. Разделы VII—VIII / В. М. Лебедев [и др.]; ответственный редактор В. М. Лебедев.* - Москва: Издательство Юрайт, 2024. – 371 с.

4. *Левандовская М. Г.* Уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, опасных для его жизни // *Проблемы экономики и юридической практики.* 2018. №4.

5. *Нагаева Т. И.* Общий и специальные виды подстрекательства к совершению преступления / Т. И. Нагаева // *Законы России: опыт, анализ, практика.* – 2011. – № 4. – С. 98-104. – EDN PMJZIF.

6. *Поликашина О. В.* О некоторых аспектах квалификации склонения и вовлечения несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего (ст. 151. 2 УК РФ) // *Наука и школа.* 2017. №6.

7. *Сирик М. С., Лоба В. Е., Мошкин С. В.* «Проблемы квалификации преступления, предусмотренного ст. 151.2 УК РФ» // *Право и государство: теория и практика.* 2020. №10 (190).

8. *Соловьев В. С.* Вербовка, вовлечение, склонение: проблемы толкования и применения уголовно-правовых терминов / В. С. Соловьев // *Современные проблемы уголовной политики: Материалы VI Международной научно-практической конференции.* В 2-х томах, Краснодар, 25 сентября 2015 года. Том II. – Краснодар: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», 2015. – С. 219-223.

Zabrodina V. Valeria

Lecturer of the Department of Criminal Law

named after M.I. Kovalev

Ural State Law University

named after V.F. Yakovlev

Yekaterinburg, Russia

e-mail: leran.00@mail.ru

RELATIONSHIP OF THE CONCEPTS OF «INVOLVATION» AND «INDUCEMENT» IN CRIMES AGAINST THE FAMILY AND MINORS

Abstract: Using the example of crimes against family and minors, the article examines the issue of the relationship between two criminal legal concepts: inducement and involvement. In theory and law enforcement practice, there is no precise explanation regarding the content of each of the concepts under consideration, and therefore, the article analyzes the existing points of view of theorists on this issue, provides examples from judicial practice and draws a conclusion regarding the relationship between the definitions of involvement and inducement and the need to

exclude dispositions of Art. 151.2 of the Criminal Code of the Russian Federation such a term as declination.

Keywords: crime, inducement, involvement, minor, criminal code.

Зинин Никита Сергеевич

магистрант

УрГЮУ имени В.Ф. Яковлева

Екатеринбург, Россия

e-mail: Mr.Mabisis@gmail.com

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ПОНЯТИЕ СРЕДСТВА ПЛАТЕЖА: ПРОБЛЕМА БЛАНКЕТНОСТИ И ЕДИНСТВА ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА

Аннотация: рассматривается проблема введенных законодателем в рамках Уголовного кодекса РФ понятий из бланкетного законодательства, связанного с национальной платежной системой. Отсутствие единого представления о понятии «средства платежа» в его уголовно-правовом значении искажает действительный смысл, закладываемый теоретическими положениями экономики, как науки, которая не может быть проигнорирована законодателем при формировании охранительной нормы.

Ключевые слова: уголовный закон, платежный инструмент, электронное средство платежа, средство платежа, кредитно-финансовые отношения

Уголовный закон выполняет охранительную функцию, обеспечивая выполнение и реализацию регулятивных норм, предусмотренных широким кругом нормативно-правовых источников. Его понятийный аппарат должен включать в себя такие правовые понятия, которые позволят их адресату без какого-либо затруднения воспользоваться ими. Применение уголовного закона неизбежно сопряжено с его правопониманием и толкованием, то есть с уяснением и разъяснением смысла и содержания в точном соответствии с волей законодателя (Козаченко, Новоселов, 2024: 75). И поэтому, нельзя допускать двойственности в толковании нормы, иначе может возникнуть предпосылка для недобросовестного манипулирования недостатками нормотворческой техники

злоумышленниками в целях улучшения своего положения и уклонения от уголовной ответственности за преступное деяние, совершенное последними. В частности, такая проблема возникает при введении законодателем новых юридических конструкций в контексте криминализации деяний, которые обуславливаются нарушением определенных общественных отношений, регулируемых специальным законодательством – в каждом конкретном случае законодатель устанавливает наличие необходимости в уголовно-правовой охране таких отношений.

В условиях цифровизации общества и появления новых информационных технологий, применяемых в экономических отношениях, возрастает количество безналичных операций. «Положительное» отношение пользователей обусловлено простотой, оперативностью и прозрачностью процесса. С момента появления платежных инструментов разного характера по настоящее время их использования сохраняется угроза экономической безопасности физических лиц, организаций, государства. Любая операция по вкладу наличных денежных средств в кредитную организацию или иную финансовую организацию, предоставляющую платежные или финансовые сервисы, оставляет след в цифровом пространстве. След выражен определенной программно-компьютерной информацией о произведенной операции, состоянии счета в банке. С помощью указанной информации можно не только свободно владеть, пользоваться и распоряжаться собственными активами, но и завладеть чужими при наличии специальных познаний в области информационных технологий.

В одном случае, такими несанкционированными вторжениями субъекты преступления пользуются для завладения чужими денежными средствами, или в корыстных целях осуществляют продажу информации, доступа к ней третьим лицам, в других случаях могут быть иные интересы. Законодатель предпринял меры для борьбы с преступлениями, связанными с незаконным оборотом средств платежей, путем введения статьи 187 Уголовного кодекса Российской Федерации (Далее – ст. 187 УК РФ).

Анализируя данную норму, мы наблюдаем размытость и неоднозначность приводимых в ней понятий, значение которых можно уточнить только путем обращения к бланкетному законодательству, связанному с национальной платежной системой и отдельными аспектами экономических наук в рамках интересующих нас положений - речь идет о понятии «средств платежей».

В контексте изменения статьи 187 УК РФ в 2015 году, основной причиной субъекты законодательной инициативы выделяют именно подавление нарастающего числа случаев установленной незаконной деятельности организаций по эмитированию поддельных банковских карт⁵⁶. В результате таких изменений устанавливается широкий перечень предмета преступления под грифом «средства платежа». Исходя из буквального толкования, таковым мы можем считать любой из изложенных предметов посягательства в диспозиции нормы – платежные карты, распоряжения о переводе денежных средств, документы, средства оплаты, электронные средства, электронные носители информации, технические устройства, компьютерные программы, которые так или иначе предназначены для неправомерного совершения финансовых операций с денежными средствами. Важно выяснить, корректно ли используется понятие «средство платежа» в контексте неправомерного оборота вышеперечисленных предметов, и являются ли они таковыми?

Само «средство платежа» нами не встречается ни в одном из действующих нормативно-правовых источников, касающихся регулирования оборота в кредитно-денежной сфере. Однако отечественная экономическая литература, основывается на том, что деньги имеют пять функций, одна из которых является – средство платежа, посредством неё погашаются долги, возникающие в товарном и денежном обороте при движении денег между субъектами долговых отношений (Маркс, 1952: 101-158). Таким образом, сами деньги являются средствами платежа, с помощью которых мы осуществляем непосредственный обмен за получаемый товар/оказываемую услугу.

⁵⁶ Законопроект № 537952-6: Система обеспечение законодательной деятельности // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/537952-6> (дата обращения 30.04.2024 года).

Соглашаясь с упомянутым авторитетным мнением, стоит упомянуть, что наличные денежные средства и другие всевозможные предметы, являющиеся стоимостным эквивалентом, могут относиться к «средствам платежа».

Законодателем избрана недостаточно корректная формулировка наименования ст. 187 УК РФ, в результате чего деконструируются положения о денежном обращении, непосредственно самой теории денег, но это не является результатом осмысления или перевоплощения в условиях информатизации общества, поскольку создает лишь искажение и разрушение действительного смысла понятия без положительного эффекта по отношению к реализации прав. Определение термина должно исключать его неодинаковую трактовку и обеспечивать возможность однозначной идентификации термина в рамках соответствующей системы понятий (Калмыкова, 2006: 35). Если обращаться к экономической теории, без чего не может обходиться правовое регулирование экономической деятельности субъектов права, насколько широко можно истолковать значение диспозиции рассматриваемой нормы?

«Средства оплаты», упоминаемые в ст. 187 УК РФ, позволяют включить любые объекты вещных прав, которые мы можем использовать в качестве предмета обращения при заключении сделки с контрагентом (к примеру, материальная вещь, имущественное право). Возьмем, к примеру, текущее внедрение такого способа оплаты покупки через банковский терминал, как биометрические показатели лица человека. Допуская возможность генерирования лица человека с помощью искусственного интеллекта, либо использования специальных технологий, можно ли признать «лицо человека» в качестве «средства платежа»? И подлежит ли ответственности субъект за «неправомерный оборот» человеческого лица как «средства платежа»? На данный момент такой практики в ходе исследования встретить не удалось, однако учитывая скорость технологизации нашего общества, трудно не предположить о возможности возникновения таких казусов.

В связи с неоднозначностью и спецификой понятия «средства платежа», можно сделать вывод о том, что норма толкуется ограничительно:

законодателем сужается смысл уголовно-правового значения «средства платежа», и при теологическом подходе уяснения и разъяснения нормы возникает предположение, что охране подлежит лишь установленный порядок безналичных расчетов в кредитно-денежной сфере, само текстуальное содержание нормы алогично её действительному смыслу, заложенному при внесении изменений.

Тогда возникает справедливый вопрос: почему законодатель использует упомянутое понятие? Обращаясь к бланкетному законодательству о национальной платежной системе, можно встретить более подходящее понятие – «электронное средство платежа», под которым подразумевается средство и (или) способ, позволяющие клиенту оператора по переводу денежных средств составлять, удостоверять и передавать распоряжения в целях осуществления перевода денежных средств в рамках применяемых форм безналичных расчётов с использованием информационно-коммуникационных технологий, электронных носителей информации, в том числе платёжных карт, а также иных технических устройств⁵⁷.

В то же время, неоправданно относятся к электронным средствам платежа предоплаченные карты, системы интернет-банкинга, мобильного банкинга, платёжные терминалы, банкоматы, в чем делает акцент на том, что «средство платежа» и «электронное средство платежа» не могут находиться в связи общее и частное. В таком понимании, законодатель подошел очень противоречиво к формированию понятия «электронного средства платежа» - оно некорректно и искажает теорию денег (Курбатов, 2012: 29-34).

Среди теоретиков в области экономики и также юриспруденции имеется достаточно много подходов относительно понимания электронного средства платежа в его взаимосвязи с таким понятием как средство платежа, и недостаточно их упомянуть, чтобы раскрыть причины возникновения такого подхода. С нашей точки зрения более корректным представляется понимание

⁵⁷ О национальной платежной системе: Федеральный закон от 27.06.2011 // Рос. газ. 2011. 30 июня.

средства платежа, как одного из многих видов платежных инструментов, представляющий непосредственное и ключевое исполнение финансовой операции путем его перехода к другим лицам, тем самым осуществляя функцию обращения в кредитно-финансовой сфере. Во многом это обусловлено одним из подходов: электронные средства платежа - это электронные аналоги наличных денег (Юров, 2007: 37-42).

В таком случае, мы рассматриваем два понятия, которые хоть и должны быть связаны между собой, но воспринимаются законодателем не так однозначно, и при этом с допущением противоречия:

Название ст. 187 УК РФ содержит понятие «средства платежа», которое в широком смысле включает в себя наличные денежные средства, иностранную валюту и другие средства оплаты, но законодатель разграничивает преступления, предусмотренные ст. 186 и ст. 187 УК РФ – первое относится к обороту эмитированных в установленном порядке денежных средств и ценных бумаг, а второе говорит нам о тех инструментах, которые используются для оплаты в контексте формы безналичного расчета.

Из изложенного следует однозначный вывод о недостатке юридической техники правила, закрепленного в ст. 187 УК РФ – последнее требует корректировки с учетом теоретических положений экономики, которые не могут быть проигнорированы или истолкованы в ином смысле, не позволяющем обеспечить достижение целей уголовно-правовой охраны общественных отношений в сфере экономической деятельности.

Библиографический список

1. *Калмыкова А. В.* О соблюдении правил законодательной техники в проектах технических регламентов, принимаемых в форме федерального закона // Журнал российского права. 2006. № 9(117).
2. *Козаченко И. Я.* Уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / И. Я. Козаченко, Г. П. Новоселов. — 6-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2024. — 430 с.

3. Курбатов А. Я. Предлагаемые изменения норм ГК РФ о банковских счетах и расчётах: требуется исправление ошибок // Банковское право. 2012. № 5. С. 29-34;

4. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том 1. М.: Издательство политической литературы, 1952 г. Глава III. — Деньги, или обращение товаров. С. 101-158;

5. Юров А. В. Наличные деньги и электронные средства платежа: оценка перспектив // Деньги и кредит. 2007. № 7. С. 37-42.

Zinin S. Nikita

undergraduate

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

Yekaterinburg, Russia

e-mail: Mr.Mabisis@gmail.com

THE CRIMINAL LAW CONCEPT OF A MEANS OF PAYMENT: THE PROBLEM OF BLANKNESS AND UNITY OF THE CONCEPTUAL APPARATUS

Abstract: the problem of concepts introduced by the legislator within the framework of the Criminal Code of the Russian Federation from the blank legislation related to the national payment system is considered. The lack of a unified understanding of the concept of "means of payment" in its criminal law meaning distorts the actual meaning laid down by the theoretical provisions of economics as a science, which cannot be ignored by the legislator when forming a protective norm.

Key words: criminal law, payment instrument, electronic means of payment, means of payment, credit and financial relations.

Лузин Тимофей Алексеевич

Институт государственного и международного права

УрГЮУ имени В.Ф. Яковлева

Екатеринбург, Россия

e-mail: timofeiluzin@gmail.com

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ «НАКАЗАНИЕ» В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Аннотация: В настоящей работе автор поднимает тему возможности внесения изменений в понятие “наказания”, указанного в ч.1 ст.43 УК РФ. Анализируя предшествующий опыт, как доктрины уголовного права, так и практики, автор отмечает положительные и проблемные аспекты. В дальнейшем, автор исходит из критического анализа текущего понятия “наказания”. В заключении предлагается модель понятия “наказания”, с акцентом на то, что наказание является мерой уголовной ответственности, применяемой для защиты общества.

Ключевые слова: наказание, меры социальной защиты, уголовная ответственность, кара, ограничения

Трудно представить уголовное право и тем более уголовную ответственность без наказания. Дискуссии, относительно наказания, существуют не первое столетие. В рамках философских и юридических работ рассматриваются вопросы сущности наказания, его целей и понятия. Казалось бы, понятие наказание находит свое отражение в уголовном законе, в ст. 43 УК РФ⁵⁸, где сказано, что “наказание есть мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда. Наказание применяется к лицу, признанному виновным в совершении преступления, и заключается в предусмотренных настоящим Кодексом лишении или ограничении прав и свобод этого лица». В

⁵⁸ Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 N 63-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. N 25. Ст. 2954.

связи, с чем возникает вопрос: а имеется ли потребность в теоретической разработке нового понятия? Думается, что ответить нужно утвердительно. Данное понятие является весьма абстрактным, что затрудняет усвоение содержания института уголовного наказания и порождает следующие проблемы.

Закон, тем более уголовный, написан не только для юристов, но и для граждан, деятельность которых не сопряжена с глубоким погружением в правовую материю (Чучаев, 2010). В итоге, невозможность усвоения понимания наказания приводит к тому, что общество формирует завышенные требования к наказанию и когда подобные требования расходятся с реальностью, то в обществе повышается социальная напряженность.

Второе основание тесно связано с первым. Законодатель, являясь членом общества таким же образом, аналогично, воспринимает и осознает правовые явления. Невозможность усвоения сущности наказания, которое проистекает из порочности определения, приводит к тому, что при осуществлении уголовной политики (то есть выработки оптимальных уголовно-правовых средств в целях ликвидации преступности) (Ковалев, Воронин, 1980:8), законодатель не может объективно оценить наказание, считая его единственным элементом воздействия на негативные общественные явления, что порождает репрессивный крен уголовной политики.

Стоит заметить, что некоторые уголовные законы иностранных государств избегают давать понятие наказанию. Подобное можно заметить в УК Республики Польша⁵⁹, УК Республики Индия⁶⁰, УК КНР⁶¹.

⁵⁹ Уголовный кодекс Республики Польша // сайт «Российский правовой портал: Библиотека Пашкова» URL: <https://constitutions.ru/?p=29233> (дата обращения: 01.04.2024)

⁶⁰ The Indian Penal Code // Официальный сайт отдела законодательства Министерства юстиции Республики Индия URL: <https://lddashboard.legislative.gov.in/actsofparliamentfromtheyear/indian-penal-code> (дата обращения: 01.04.2024)

⁶¹ Уголовный кодекс КНР // Официальный сайт Посольства КНР в РФ URL: https://ru.china-embassy.gov.cn/rus/zfhz/zgflyd/201601/t20160111_3149373.htm (дата обращения: 01.04.2024)

Прежде чем перейти к вопросу формирования модели нового понятия, необходимо обратиться к историческому опыту.

В дореволюционный период, само понятие наказание, хотя и употреблялось в уголовных законах, дефиниции выработано не было. В своих работах, такие ученые как Н.С. Таганцев (Таганцев, 2021: 8-50), И.Я. Фойницкий (Фойницкий, 1890: 1-27) основной упор делали на сущности наказания и праве государства на применения наказания. Если мы попробуем выделить признаки, то можно отметить следующее:

Впервые дефинитивная норма была закреплена в ст.7 Руководящих начал РСФСР 1919 года⁶² “Наказание - это те меры принудительного воздействия, посредством которых власть обеспечивает данный порядок общественных отношений от нарушителей последнего (преступников)”. С одной стороны, стоит заметить, что указанное понятие состоит из наиболее характерных черт наказания и лаконично. Однако оно также порождает вопросы: как именно данные меры обеспечивают порядок общественных отношений, кто вправе применять принудительные меры, наконец, в чем выражаются указанные меры?

В последующем, из текста уголовного закона вновь исчезло понятие наказания. Так, в ст.8 УК РСФСР 1922 года⁶³ закреплялось “Наказание и другие меры социальной защиты применяются с целью...” из анализа указанной нормы следует, что наказание- мера социальной защиты, которая применяется для достижения целей, указанных в уголовном кодексе. Как отмечал М.Д. Шаргородский, введение понятия “меры социальной защиты” являлось ошибочным, не отражало каких-либо принципиальных взглядов на цели уголовного наказания и оно было сопряжено с желанием подчеркнуть отказ от отождествления наказания с возмездием (Шаргородский, 1973; 10). В свою очередь, на текущий момент специалистами отмечалось, что подобный подход

⁶²Постановление Наркомюста РСФСР от 12.12.1919 "Руководящие начала по уголовному праву Р.С.Ф.С.Р." // СПС «КонсультантПлюс»

⁶³ Постановление ВЦИК от 01.06.1922 "О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р." (вместе с "Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.") // СПС «КонсультантПлюс»

имел серьезные и глубокие изменения, а именно легализации государственного насилия к опасным для государства лицам (Сундунов, 2015; 14). Более того, данное понятие еще более усложняет усвоение института наказания: что такое меры социальной защиты, где мы их можем отыскать, в чем заключается сущность наказания? Но стоит признать, что применение понятия служит точкой в принципиальном споре: наказание-это мера возмездия, что порождает ее крен в сторону репрессивности или же что наказание преследует качественно иные цели, чем возмездие. Как нам видится, с учетом общественного развития, стоит признать, что наказание- как правовой институт и явление преодолело качественное изменение в общественном сознаний, поскольку о порочности возмездия писали просветители начиная с XVIII века. Советский классовый подход, основанный на передовых общественных, философских и политических идеях, воспринял данную позицию и отразил ее в своем уголовном законе, что все же стоит признать в качестве положительного аспекта.

В последующем, аналогичный подход был также воспроизведен в ст.10 УК РСФСР 1926 года, где наказание было признано мерой социальной защиты судебно-исправительного характера. Стоит признать, что данная норма является наиболее дискуссионной. Во-первых, отсутствует раскрытие понятия судебно-исправительной меры. Во-вторых, основанием применение судебно-исправительных является совершение общественно-опасных действий (преступления) или же опасное состояние, что порождает следующую проблему. De facto можно говорить, что происходит смешение предварительных мер по защите общества с уголовным наказанием, что недопустимо (!). Указанное понятие критиковалось и в советский период, как противоречащее принципу субъективного вменения (Шаргородский, 1973:11). Более того, как отмечалось выше, подобный подход советского законодателя привел к возможности внесудебного порядка применения уголовных репрессий к оппонентам государства (Уткин, 2018; 10).

Наконец, к понятию наказания вернулись в ст.20 УК РСФСР 1960 года⁶⁴ “Наказание не только является карой за совершенное преступление, но и имеет целью....”. К сожалению, но данное понятие не претерпело качественно положительных изменений. Из анализа нормы нельзя установить, что же такое наказание. Отождествление данного явления с карой, говорит о том, что законодатель, несмотря на закрепление передовых идей, относительно целей наказания, все же в первую очередь признает его в качестве кары. Трудно установить, что скрывается за формулировкой «но только является карой». Ошибочным, отождествления наказания с мерой возмездия и карой отмечал М.Д. Шаргородский, указывая, что наказание является эффективным инструментом, а важнейшим элементом является его воспитательная сторона (Шаргородский, 1973: 12-13).

Подводя итог, стоит отметить что, несмотря на попытки формирования понятия наказания, предпринятые в ранние годы советской власти, не удалось достигнуть положительного результата. Несомненно, что отождествление наказания с мерой социальной защиты носило двойкий характер: с одной стороны, как попытки отвергнуть отождествления наказания с возмездием, с другой стороны, это отождествление привело к необоснованному крену уголовной политики и репрессиям. В конечном счете, законодатель и вовсе отказался от такого подхода, приравняв наказание к каре, чего не было даже в Руководящих началах РСФСР 1919 года.

Если обратиться к анализу текущего понятия наказания, то можно правоведами выделяются следующие характерные черты: 1) мера государственного принуждения (принуждающая к определенной модели поведения, вне зависимости от воли лица); 2) разновидность мер (так, нельзя не учитывать, что суд вправе применить и иные меры уголовно-правового характера); 3) назначаемое по приговору суда; 4) индивидуализированное (наказание строго индивидуализировано и применяется к конкретному лицу); за виновно совершенное деяние (преступление); 5) состоит из лишений и

⁶⁴ Уголовный кодекс РСФСР 1960 года // СПС «КонсультантПлюс»

ограничений; б) на основании официального осуждения преступника государством, в лице судебного органа (то есть признания лица виновным и привлечения его к уголовной ответственности) (Уткин, 2018:25-30).

При этом некоторыми специалистами отмечается, что нормы, изложенные в ч.1 ст.43 УК РФ, представляет совокупность констатации факта, а также процессуальных норм (назначаемых по приговору суда, применяется к лицу, признанным виновным), то есть отсутствуют нормы материального права (Рарог, 2021: 120).

Согласимся с тем, что указанная норма действительно не является цельной, а состоит из нескольких взаимосвязанных норм. В свою очередь это порождает проблему того, что каждое предложение является самостоятельным элементом толкования, что может породить расхождения при его толковании.

Следующей проблемой является формулировка “мера принуждения”. На наш взгляд, проблема заключается в том, что она не позволяет установить взаимосвязь наказания с иными мерами уголовной ответственности. При этом не только уголовное наказание является мерой принуждения. Уместным было указать, что наказание является мерой уголовной ответственности, а в отдельной статье Общей части уголовного кодекса дать определение “уголовной ответственности”. Заметим, что понятие “уголовная ответственность”, например, имеется в ст.44 УК Республики Беларусь «Уголовная ответственность выражается в осуждении от имени Республики Беларусь по приговору суда лица, совершившего преступление, и применении на основе осуждения наказания либо иных мер уголовной ответственности в соответствии с настоящим Кодексом»⁶⁵. Подобный подход мог бы также разгрузить понятие наказания, исключив из него указание на то, что оно назначается на основании приговора суда, поскольку указанный признак находил бы отражение в родовом понятии и показывал его взаимосвязь с иными мерами уголовно-правового характера.

⁶⁵ Уголовный кодекс Республики Беларусь // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275> (дата обращения: 01.04.2024)

В-третьих, хотелось бы заметить, что на наш взгляд, употребление понятий “мера принуждения”, “лишения и ограничения” не позволяют нам преодолеть подход к наказанию, как к мере возмездия. Ранее, мы отмечали, что наказание преодолело качественные изменения, и в истории нашего государства уже была попытка избавиться от данного анахронизма. Ввиду чего, необходимо указать, что наказание применяется в первую очередь для защиты общества, а не удовлетворения желания мести потерпевшего, общественных эмоций. Профессор М.Д. Шаргородский верно отмечал, что возмездие в уголовном наказании в большей мере отмечает чувствам потерпевшего (Шаргородский, 1973: 28). Учитывая, исторический опыт, мы предлагаем указать, что наказание применяется для защиты общества, ведь защита предполагает под собой такие характеристики как соразмерность и реальность посягательства. Мы понимаем, что высказанная нами идея дискуссионная, но считаем, что рано или поздно обществу придется разрешить указанный вопрос.

На основании изложенного, мы предлагаем обсудить следующую модель понятия “наказания”: “Наказание является мерой уголовной ответственности, применяемая для обеспечения общественной безопасности и выражающаяся в ограничении прав виновного лица”. Несмотря на сходство с уже имеющимся понятием, данная модель, во-первых, указывает на взаимосвязь наказания и иных мер уголовной ответственности, а, во-вторых, снижает уголовно-репрессивный крен, отвергая отождествление с карой, призывая к соразмерности, в рамках защиты.

Библиографический список

1. Ковалёв М. И., Воронин Ю. А. Криминология и уголовная политика учебное пособие / Свердловский юридический институт. - Свердловск: УрГУ, 1980. - 58 с.
2. Таганцев Н. С. Русское уголовное право в 2 ч. Часть 2 / Н. С. Таганцев. М.: Издательство «Юрайт», 2024. - 446 с.

3. *Чучаев А. И.* Уголовно-правовые взгляды Н.Д. Сергеевского: монография. – М.: Проспект, 2010. – 520 с.
4. *Фойницкий И. Я.* Учение о наказании в связи с тюрьмоведением / [Соч.] И.Я. Фойницкого, орд. проф. С.-Петерб. ун-та. - СПб: тип. М-ва пут. сообщ. (А. Бенке), 1889. -[2], VIII, 504 с.
5. *Сундуров Ф. Р., Талан М. В.* Наказание в уголовном праве: Учебное пособие. – М.: Статут, 2015. – 256 с
6. *Шаргородский М. Д.* Наказание, его цели и эффективность / Шаргородский М.Д. - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. - 160 с.
7. *Уткин В. А.* Проблемы теории уголовных наказаний: курс лекций. – Томск: Издательский Дом Томского государственного университета. 2018. – 240 с.
8. Качество уголовного закона: проблемы Общей части: монография / отв. ред. А.И. Рарог. – М.: Проспект, 2021. – 288 с.

Luzin A. Timofei

Institute of state and international law

Ural state law university

after by V.F. Yakovlev

e-mail: timofeiluzin@gmail.com

ON THE ISSUES OF THE CONCEPT OF “PUNISHMENT” IN CRIMINAL LAW

Abstract: In this paper, the author raises the topic of the possibility of making changes to the concept of “punishment” specified in Part 1 of Article 43 of the Criminal Code of the Russian Federation. Analyzing the previous experience of both the doctrine of criminal law and practice, the author notes the positive and problematic aspects. Further, the author proceeds from a critical analysis of the current concept of “punishment”. In conclusion, a model of the concept of

“punishment” is proposed, with an emphasis on the fact that punishment is a measure of criminal responsibility applied to protect society.

Keywords: punishment, social protection measures, theory of retribution, utilitarian theory of punishment, state violence

Матвеев Илья Викторович

старший преподаватель кафедры

уголовного права и национальной безопасности НГУЭУ

Новосибирск, Россия

e-mail: udicis@mail.ru

ПОИСК ПОДХОДА К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ КОРРУПЦИОННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ЕГО ПРИЗНАКОВ

Аннотация: В статье рассматриваются основные подходы к определению коррупционного преступления, законодательная и теоретическая перспектива данного понятия, а также проблемы терминологической определенности в соотношении с понятием «преступление коррупционной направленности». Автор приходит к выводу, что корыстный мотив не всегда является обязательным признаком коррупционного преступления.

Ключевые слова: коррупционное преступления, преступления коррупционной направленности, мотив преступления, признаки состава преступления, соотношение понятий.

Противодействие коррупции в современной действительности является актуальным вопросом, поскольку с каждым годом увеличивается количество преступлений коррупционной направленности и объем материального ущерба, причинённого коррупционным поведением. Тем важным является терминологический вопрос, поскольку оттого, как будет установлены границы понятия, будет зависеть объем применения уголовно-правовых и иных средств борьбы с коррупцией.

В современной науке и практике борьбы с коррупцией присутствуют параллельно два термина, обозначающих преступное коррупционное поведение: «коррупционное преступление» и «преступление коррупционной

направленности». Такая ситуация, безусловно, порождает множество вопросов, например, взаимозаменяемы ли эти термины или они находятся в родовидовых связях по отношению к друг другу. Либо «преступление коррупционной направленности» - неверно сформулированный терминологический конструкт, который обоснованно уступает верному понятию «коррупционное преступление».

В науке уголовного права существует два подхода к содержанию понятия «коррупционное преступление». Узкий подход (Н. Ф. Кузнецова, Н. А. Лопашенко и др.) определяет коррупционные общественно опасные деяния через отношение подкупа продажности (Кузнецова, 1993:25; Лопашенко, 2005:22). Тем самым базовыми признаками данных преступлений являются признаки субъекта и совершенные из корыстных побуждений действия, входящие в служебные полномочия лица (Сорочкин, 2021:25). Согласно другому подходу, широкому (В. В. Лунеев, В. Н. Борков, С. Н. Братановский, М. Ф. Зеленев и др.), коррупционные деяния не сводятся только взяточничеству, они включают в себя и иные противоправные, уголовно наказуемые деяния, совершаемые из личной заинтересованности (Братановский, Зеленев, 2019:170-172; Борков, 2015:14; Лунеев, 2001:34). Определение коррупционного преступления при таком подходе выглядит следующим образом: «Виновно совершенное общественно опасное деяние, непосредственно посягающее на авторитет или охраняемые законом интересы государственной власти, местного самоуправления, государственной и негосударственной службы, выражающееся в незаконном получении лицом, имеющим статус должностного лица или служащего в государственном, муниципальном образовании, либо лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, каких-либо благ в корпоративных, узкокорпоративных или личных интересах, если имеет место использование должностного, служебного положения как составной части механизма преступления» (Попова, 2011:56).

С этой целью необходимо обратиться к законодательному обозначению коррупционных общественно опасных деяний. Прежде всего, в уголовном

законодательстве не содержится упоминания ни одного из этих вариантов обозначения коррупционного преступного поведения, что можно объяснить некоторыми историческими процессами (в 1990-х годах термин «коррупция» только входил в законодательное употребление) и системой Особенной части Уголовного кодекса РФ, которая построена по принципу родового и видового объекта преступного посягательства.

Упоминание коррупционного преступления можно обнаружить в Федеральном законе от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». Например, в ч. 1 ст. 4 одной из целей сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами в сфере противодействия коррупции указывается установление лиц, подозреваемых (обвиняемых) в совершении коррупционных преступлений, их местонахождения, а также местонахождения других лиц, причастных к коррупционным преступлениям. Но используя данное понятие, закон не раскрывает его суть и не дает перечня преступлений, которые можно отнести к коррупционным⁶⁶.

Понятие коррупционного преступления также встречается в актах Верховного Суда Российской Федерации, в частности в преамбуле постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О взяточничестве и иных коррупционных преступлениях»: «В целях обеспечения единообразного применения судами законодательства об ответственности за взяточничество (статьи 290, 291, 291¹, 291² УК РФ) и иные коррупционные преступления (в частности предусмотренные статьями 159, 160, 184, 200⁵, 204, 204¹, 204², 292, 304 УК РФ)»⁶⁷. Здесь суд указывает именно на коррупционное преступление как объединяющее понятие для конкретных общественно опасных деяний. Перечень указанных преступлений не является исчерпывающим, однако в дальнейшем в акте судебного толкования понятие

⁶⁶ О противодействии коррупции : федер. закон от 25 дек. 2008 г. № 273-ФЗ (в ред. от 18 марта 2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 52, ч. 1. Ст. 6228.

⁶⁷ О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 (в ред. от 24 дек. 2019 г.) // Российская газета. 2013. 17 июля.

коррупционных преступлений не раскрыто. В п. 4 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2018 г. № 17 «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве» коррупционными преступлениями суд признает деяния, квалифицируемые по ст. 291, 291², 204, 204² УК РФ⁶⁸.

На уровне подзаконных актов тоже можно встретить указание на коррупционное преступление. Согласно п. 46 Стратегии национальной безопасности в Российской Федерации, утвержденной Указом Президента от 31 декабря 2015 г. № 683, одним из способов искоренения причин и условий, порождающих коррупцию, является повышение уровня ответственности за коррупционное преступление⁶⁹. В новой редакции Стратегии национальной безопасности, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» говорится о «предупреждении и пресечении преступлений коррупционной направленности, нецелевого использования и хищений бюджетных средств в органах публичной власти и организациях с государственным участием, в том числе при реализации национальных проектов (программ) и выполнении государственного оборонного заказа, а также возмещении ущерба, причиненного такими преступлениями, и повышения уровня ответственности за их совершение» (п. 13, 47)⁷⁰. Тем самым подтверждается, что в подзаконном антикоррупционном нормотворчестве тоже пока нет единообразного использования правовых терминов.

Таким образом, коррупционное преступление как объединяющее понятие содержится в федеральном законодательстве и подзаконных актах. Кроме того,

⁶⁸ О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2018 № 17 (в ред. от 12 дек. 2023 г.) // Российская газета. 2018. 22 июня.

⁶⁹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 31 дек. 2015 г. № 683 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 1, ч. II. Ст. 212. (утратил силу).

⁷⁰ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27, ч. II. Ст. 5351.

Верховный Суд Российской Федерации в целях разъяснения положений закона тоже использует понятие коррупционного преступления в своих постановлениях.

Законодательство о противодействии коррупции не содержит определения преступления коррупционной направленности, поэтому для данных целей необходимо обратиться к актам, регулирующим правила формирования ведомственной статистической отчетности. В отличие от понятия коррупционного преступления, которое встречается в российском законодательстве, но не представлены его определение и признаки, в соответствии с положениями указания Генпрокуратуры России и МВД России № 401/11/2 от 19 июня 2023 г. «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» под преступлением коррупционной направленности понимаются «деяния, имеющие все перечисленные ниже признаки:

— наличие надлежащих субъектов уголовно наказуемого деяния, к которым относятся должностные лица, указанные в примечаниях к ст. 285 УК РФ, лица, выполняющие управленческие функции в коммерческой или иной организации, действующие от имени юридического лица, а также в некоммерческой организации, не являющейся государственным органом, органом местного самоуправления, государственным или муниципальным учреждением, указанные в примечаниях к ст. 201 УК РФ;

— связь деяния со служебным положением субъекта, отступлением от его прямых прав и обязанностей;

— обязательное наличие у субъекта корыстного мотива (деяние связано с получением им имущественных прав и выгод для себя или для третьих лиц);

— совершение преступления только с прямым умыслом»⁷¹.

⁷¹ О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности [Электронный ресурс]: указание Генпрокуратуры России, МВД России № 401/11/2

Таким образом, содержание понятия «преступление коррупционной направленности» связано с определенным субъектом преступления, определенным характером деяния и с конкретным содержанием субъективной стороны, то есть наличие прямого умысла и корыстного мотива. В связи с этим, например, злоупотребление должностными полномочиями, совершенное из иной личной заинтересованности, отнести к преступлениям коррупционной направленности не представляется возможным и статистически оно не будет учтено как преступление коррупционной направленности.

Более того, достаточно спорным представляется наличие определенной направленности в коррупционном преступлении. Во-первых, согласно учению о вине, направленность действий лица характеризует субъективную сторону состава преступления. Направленность является показателем прямого умысла лица и имеет квалифицирующее значение. По словам А. И. Рарога, «под направленностью умысла понимается мобилизация интеллектуально-волевых усилий виновного на совершение деяния, посягающего на определенный объект, совершаемого определенным способом, причиняющее конкретные последствия, характеризующегося наличием конкретных смягчающих и отягчающих обстоятельств» (Рарог, 2019:71). Таким образом, направленность деяния характеризует конкретное содержание прямого умысла лица. Что касается коррупционных преступлений, кроме того, что корыстная мотивация не является единственно возможной мотивацией, она также не является исключительным признаком коррупционного преступления.

Во-вторых, исходя из сказанного о направленности, преступление коррупционной направленности можно выделить только при наличии уникального мотива. Это подтверждается обращением к иным группам преступлений, которые объединены общей направленностью умысла. В уголовном законодательстве существует понятие преступлений экстремистской направленности. Согласно п. 2 примечания 1 к ст. 282¹ УК РФ под

от: 19 июня 2023: г. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

преступлениями экстремистской направленности понимаются преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части Уголовного Кодекса Российской Федерации и пунктом «е» части первой статьи 63. Здесь законодатель выделил ключевой признак данной группы преступлений – мотив политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо мотив ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части Уголовного Кодекса Российской Федерации. Аналогичным образом трактуется понятие «преступления террористической направленности», для них характерна цель – дестабилизация деятельности органов власти и оказание воздействия на принятие решения. То есть уникальный мотив или специфическая цель выступают определяющими признаками направленности преступного деяния. На наш взгляд, корыстный мотив, указанный в качестве признака преступления коррупционной направленности, не является признаком исключительно коррупционного преступления, позволяющим отграничить его от других групп преступлений, например, от преступлений против собственности или преступлений в сфере экономической деятельности.

Таким образом, корыстный мотив не позволяет определить или выделить коррупционные деяния в обособленную группу, а так как мотив либо цель являются определяющим для преступлений «с направленностью» действий, то понятие «преступление коррупционной направленности» необоснованно. На наш взгляд, наиболее точным как для законодательного закрепления, так и для статистического учета является понятие коррупционного преступления, которое должно включать в себя следующие признаки:

1. Наличие специального субъекта преступления – должностного лица, лица, занимающего государственные должности, либо лица, выполняющего управленческие функции в коммерческих и иных организациях.

2. Использование служебного положения субъектом преступления или связь субъекта и его служебного положения.

3. Умышленный характер деяния (не только прямой, но и косвенный умысел).

Таким образом, корыстный мотив не является обязательным признаком коррупционного преступления. Поэтому целесообразно использовать в качестве родового понятия, объединяющего коррупционные деяния, понятие «коррупционное преступление», которое позволяет охватить все преступные проявления коррупции.

Библиографический список

1. *Борков В. Н.* Преступления против осуществления государственных функций, совершаемые должностными лицами: автореф. Дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2015. 39 с.

2. *Братановский С. Н., Зеленов М. Ф.* Административно-правовые аспекты борьбы с коррупцией в системе исполнительной власти в Российской Федерации: моногр. М.: Проспект, 2019. 256 с

3. *Лопашенко Н. А.* Противодействие российской коррупции: обоснованность и достаточность уголовно-правовых мер // Проблемы борьбы с проявлениями криминального рынка / [отв. ред. В. А. Номоконов]. Владивосток: Изд-во Дальневосточ. Ун-та, 2005. С. 21-35.

4. *Лунеев В. В.* Коррупция: политические, экономические, организационные и правовые проблемы: тезисы доклада // Коррупция политические, экономические, организационные и правовые проблемы: сб. материалов Междунар. Науч.-прак. Конф. (г. Москва, 9—10 сент. 1999 г.) / под ред. В. В. Лунеева. М.: Юристъ, 2001. С. 17-38.

5. *Кузнецова Н. Ф.* Коррупция в системе уголовных преступлений // Вестник Московского университета. Сер. 11: Право. 1993. № 1. С. 21-26.

6. *Попова В. В.* К вопросу о понятиях «коррупция» и «преступления коррупционной направленности» // Вестник Воронежского института МВД России. 2011. № 3. С. 52-56.

7. *Рарог А. И.* Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам: моногр. М.: Проспект, 2019. 232 с.

8. *Сорочкин Р. А.* Субъект коррупционного преступления: понятие, виды, характеристика: моногр. / отв. ред. А. И. Чучаев. М.: Проспект, 2021. 288 с.

Илья V. Matveev

Senior lecturer of department of criminal law and national security

Novosibirsk State University of economics and management

Novosibirsk, Russia

e-mail: udicis@mail.ru

THE SEARCH FOR AN APPROACH TO THE DEFINITION OF THE CORRUPTION CRIME AND ITS CHARACTERS

Abstract: The article discusses the main approaches to the definition of a corruption crime, the legislative and theoretical validity of this concept, as well as the problems of terminological certainty in relation to the concept of “corruption crimes”. The author comes to the conclusion that a selfish motive is not always an obligatory sign of a corruption crime.

Keywords: corruption crimes, corruption-oriented crimes, motive of the crime, signs of the corpus delicti, correlation of concepts.

Электронное научное издание

**ПОНЯТИЙНО-КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ АППАРАТ НАУК УГОЛОВНО-
ПРАВОВОГО ЦИКЛА**

Материалы международной научно-практической конференции
(Екатеринбург, 12 апреля 2024 года)

Ответственный за выпуск: Васильев Александр Максимович

Подписано к использованию: 31.05.2024
Согласно п.1 ч.2 ст.1, п.1 ч.4 ст.11
Федерального закона от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
маркировке не подлежит

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева
Кафедра уголовного права имени М.И. Ковалева

620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 23
Тел.: +7 (343) 375-08-46

Минимальные системные требования: ОС Windows XP/Vista/7/8/8.1/10, RAM
512 МВ и выше, необходимо на винчестере: 4,5 Мб, CD/DVD- привод,
программные средства для просмотра pdf-файлов Объем издания: 6,5 Мб, 1
электрон.опт. диск (CD-ROM). Тираж 500 экз.